

16+

ИНФОРМАЦИЯ
К РАЗМЫШЛЕНИЮ

П Р И Л О Ж Е Н И Е

СЕНТЯБРЬ
2020

№9/119

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

КТО ВЫ, ПОЛКОВНИК КСАНТИ?

НЕИСТОВЫЙ ШЕВАЛЬЕ

ЭТОТ УПРЯМЫЙ КАПИТАН ЮРЕЦКО

ПОВАР КОРОЛЕЙ И КОРОЛЬ ПОВАРОВ

ТЕНЬ ГИММЛЕРА

Виват, Елизавета!

Тайная жизнь и запретная любовь
супруги Александра I – женщины,
перед которой преклонялся Пушкин,
а некоторые из декабристов хотели
возвести ее на трон

ПЕРВАЯ АФГАНСКАЯ...

в спецвыпуске

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

Повар королей

■ Владимир АБАРИНОВ

Благодаря ему вопросы войны и мира по сей день решаются за обильно накрытым столом. Антонен Карем сумел «подружить» французскую и русскую кухни и, подобно великому артисту, получал ангажемент у монархов Франции, Англии и России.

Желудок просвещенного человека имеет лучшие качества доброго сердца: чувствительность и благодарность.
Пушкин.
«Гастрономические сентенции»

Великая французская революция не только свергла и казнила короля, но и навсегда изменила уклад жизни. Самым радикальным образом – кто бы мог подумать – она сказалась на искусстве приготовления пищи, сервировке и застольных манерах. В этой сфере тоже произошла своего рода революция. Лучшие повара эпохи, лишившись хозяев, остались без работы. И придумали себе новый род деятельности – начали открывать заведения для публики.

Конечно, и во времена монархии существовали харчевни и таверны. Но это был «общепит» для низших сословий. Аристократия питалась у себя дома или в гостях друг у друга. «Высокая кухня», haute cuisine, не покидала дворцовых стен. Новые хозяева жизни – нувориши – жаждали публичных развлечений: тщеславие требовало выставить богатство напоказ. Идея оставшихся не у дел кулинаров удовлетворяла неизбывную страсть буржуа к показухе. Так появился ресторан в его современном виде.

Слово restaurant происходит от глагола restaurer – «восстанавливать». В старинный парижский ресторан приходили восстановить силы, и подавали там исключительно суп. Именно в одном из таких заведений в городе Сент-Менеу, знаменитом своими свинными ножками, были опознаны и арестованы бежавшие из Парижа Людовик XVI и его семейство. Известно также, что последней перед эшафотом едой Марии-Антуанетты был суп с вермишелью. После революции как грибы после дождя в Париже стали появляться заведения, где кормили полным набором изысканных яств за отдельным столом; новостью стало и то, что заказывать завтрак или обед нужно было a la carte. (Меню существовало и прежде – самое древнее обнаружено в одном из египетских захоронений; но предназначалось оно не едоку, а повару и лакеям, дабы они знали, в каком порядке подавать кушанья.) Очарованный Парижем Карамзин в своих «Письмах русского путешественника» сделал специальное примечание к слову «ресторатёр»: «Ресторатёрами называются в Париже лучшие трактирщики, у которых можно обедать. Вам подадут роспись всем блюдам, с означением их цены; выбрав, что угодно, обедаете на маленьком особливом столике». Процесс заказа и обсуждение достоинств блюд составляли особый вид времяпрепровождения.

Вслед за ресторанами «высокой кухни» возникли и первые пособия для поваров, родился новый газетный жанр – ресторанная критика. Поэт Жозеф Бершу написал поэму, озаглавив ее им самим изобретенным словом «Гастрономия» (буквально – «закон желудка»). Юрист, политик и гурман Жан Антельм Брилья-Саварен еще не написал свою «Физиологию вкуса», но уже изрек свои первые афоризмы вроде этого: «Открытие нового блюда дарует человечеству больше счастья, чем открытие новой звезды». Гастрономия стремительно превращалась в новую область творчества; она стано-

Костюмы повара, дизайн Карема

вилась наукой, искусством, общественной деятельностью, коммерцией и чуть ли не религией одновременно.

Дорога из трущобы к Пале-Роялю

Когда родился Мари-Антуан Карем, в точности неизвестно: его документы сгорели при артобстреле Парижа во время Франко-прусской войны. Годом его рождения считается 1783-й. Он был одним из 24 и 16-м по счету ребенком в семье бедняков. Родители нарекли мальчонку в честь королевы, но скоро поняли свою промашку: Марию-Антуанетту простой люд ненавидел куда сильнее короля. И мальчика взамен крестильного имени стали звать Антоненом. Когда сыну исполнилось девять лет, отец поступил с ним так, как нередко поступали неимущие родители. Он отвез его к главным городским воротам и с кратким напутствием бросил на произвол судьбы.

Но Провидение оказалось милостиво к юному Антонену. Его подобрал на улице и взял в поварята хозяин дешевой забегаловки. Работал он, как Ванька Жуков, за хлеб и кров. Шесть лет ученичества пробыли в нем призвание и заложили основы профессионализма. Он превратился в страстного поборника супов, считал, что с супа должен начинаться любой прием пищи; он оставил несколько сотен рецептов супов – это самая обширная часть его творческого наследия.

Однако выбиться в люди на супах и отбивных было сложно. Подлинными звездами французской кухни того времени

считались кондитеры. В 1798 году Антонен, все еще подросток, бросил свою харчевню и поступил подмастерьем к знаменитому маэстро десертов Сильвану Байли.

Революция уже четыре года как трансформировалась в режим Директории – во Франции появился класс людей, сказочно обогатившихся на конфискации достояния аристократов. Как нынешние «новые русские», они напропалую прожигали жизнь, не зная, чем бы еще ублажить свою плоть. Появились люди, чьим основным содержанием и смыслом существования было участие в этой ярмарке тщеславия; они назывались специальными словами incroyables и merveilleuxes – щеголи и щеголихи. «Рабочий день» этих трутней проходил в Пале-Рояле – бывшем королевском дворце, обращенном в средоточие увеселительных и игорных заведений, лучших магазинов, дорогих борделей и модных ресторанов.

Кондитерская Байли располагалась именно на этом бойком месте, на рю Вивьен. В подсобке при кухне Антонен и жил, отсюда разносил заказы по близлежащим ресторанам и кофейням. Молодой генерал Бонапарт отправился в свой победоносный итальянский поход, карта Европы перекраивалась на глазах. Антонен тем временем прилежно просеивал муку и разводил дрожжи на картофельных очистках. Все свободное время он отдавал читальному залу Национальной библиотеки. Изучал секреты мастерства поваров древности, но его подлинной страстью была архитек-

тура. Впоследствии он не раз говорил и писал, что кулинария и зодчество – родственные искусства, поскольку оба основаны на точных пропорциях.

Впервые он применил свое открытие именно в кондитерском деле. До сегодняшнего дня этот жанр десерта дошел разве что в виде свадебного торта. Но бездарная башня из бисквита и крема – убогое подобие произведений французских и итальянских кондитеров былых времен. Эти творения, называвшиеся extraordinaire, то есть нечто необыкновенное, были главным украшением праздничного стола и представляли собой сложные сооружения из множества искусно обработанных ингредиентов. Это могли быть деревья, увешанные невиданными плодами, с райскими птицами, букеты и клумбы экзотических цветов с лепестками из разноцветных цукатов или скульптурные композиции. На пире, который задал Людовик XIV в 1682 году по случаю крещения внука, гостей поразила громадный торт, весьма натурально изображавший появление на свет виновника торжества, герцога Людовика Бургундского, из вагины матери, вылепленной из марципана.

Специальностью Карема были архитектурные сооружения из сладостей. Развалины древнегреческих храмов, китайские лагоды, увитые виноградной лозой беседки и готические соборы из сахарной ваты и беже, парусники, арфы и лиры с тончайшими струнами из карамели – на создание этих кондитерских чудес уходило несколько дней, но именно они и принесли славу Карему. За пристрастие к архитектурным сюжетам его прозвали «Палладио кондитерского дела» в честь прославленного итальянского архитектора Андреа Палладио, которым Карем восхищался, но который в конце концов и свел его в могилу: в парижских особняках, выстроенных по заветам Палладио, кухня помещалась в подвале и не имела достаточной вентиляции, а печи топились углем. Повара, дышавшие угаром, рано теряли здоровье.

Уроки Талейрана

Впрочем, до этого было еще далеко – карьера Карема только начиналась. Его искусство обратило на себя внимание одного из самых выдающихся людей эпохи – князя Шарля Мориса де Талейрана-Перигора. Талейрану принадлежит множество известных афоризмов – про штык, на котором «нельзя сидеть», про язык, который «дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли»; принадлежит ему и «рецепт» кофе: «Черный, как дьявол, горячий, как ад, чистый, как ангел, сладкий, как любовь». Будто бы сказал он также, что для успешной дипломатии необходим отличный повар. Этому собственному завету он сохранял неизменную верность – в отличие от своих политических взглядов. Политика, еда и женщины были его тремя неутолимыми страстями.

В доме Талейрана Карем сменил должность кондитера на шеф-повара, достиг вершин мастерства, был свидетелем важнейших событий эпохи, кормил и Наполеона, и Жозефину – Талейран держал в руках нити заговора Восемнадцатого брюмера и обсуждал тайные планы не иначе как за обильным столом. К общему огорчению и хозяина дома, и его повара, Наполеон Бонапарт был равнодушен к еде и не мог высидеть за столом более 20 минут – говорил, что «порох начинает отсыревать».

В 1807 году Антонен Карем был приглашен готовить холодные закуски для завтрака по случаю свадьбы младшего брата Наполеона Жерома и принцессы Екатерины Вюртембергской. Эта работа обернулась его личным триумфом. В

И король поваров

свои 25 лет Карем стал вровень с бывшими королевскими кулинарами. Его кондитерский магазин на рю де ля Пэ превратился в одну из достопримечательностей Парижа. Он был красив; над его отчасти байронической внешностью иронизировали карикатуристы. Но ведь стать героем карикатур – само по себе знак признания. Он был страшно педантичен, нетерпелив, обидчив, раздражителен, сверхчувствителен, неуклюж и очень мало ел.

Талейран одним из первых, если не самый первый, еще в 1807 году понял, что счастливая звезда Наполеона клонится к закату. Сразу после Тильзитского саммита трех императоров он вышел в отставку, сохранив неофициальные связи в высших сферах французской политики, и вступил в тайные сношения с петербургским и венским дворами; Бородинское сражение он назвал «началом конца». Что касается Карема, то он, оправдывая пушкинский совет судить «не выше сапога», имел собственное мнение о причинах разгрома: «Сто тысяч солдат – и всего пятьдесят поваров!» Кто же станет спорить, что накормить солдата на войне – первый залог победы.

31 марта 1814 года войска антинаполеоновской коалиции вошли в Париж. Впервые за 400 лет французская столица увидела иноземную армию. Но вместо горечи поражения ее жителей охватила несказанная радость.

Во главе временного правительства победителей встречал Талейран. Александр предполагал остановиться в Париже в Елисейском дворце, однако во время парада победы русский дипломат Карл Нессельроде получил анонимную записку с предупреждением, что дворец заминирован. Вероятно, это один из первых примеров того, как угроза терроризма заставила лидера великой державы изменить свои планы и, вполне возможно, способствовала политическим решениям, которые иначе не были бы приняты. Никакой бомбы или мины во дворце в итоге не оказалось. Впоследствии поговаривали, что записка была затеей Талейрана и что таинственным посланцем, скрывшимся в толпе, был Карем. Так или иначе, Талейран, узнав о записке, тотчас предложил царю свой дом, и царь пригласение принял.

Первый тост императора Александра

Русская армия в Париже – это отдельная повесть. В прежние времена из России за границу ездили лишь очень богатые люди. И своими глазами русские в такой массе – не только мелкопоместные дворяне, но и простые мужики-солдаты – увидели законодательницу мод и вкусов впервые. И увидели во всем блеске. Вот, к примеру, описание невиданного заведения – ресторации, – принадлежащее перу Фёдора Глинки:

«Вхожу и останавливаюсь, думаю, что не туда зашел; не смею идти далее. Пол лаковый, стены в зеркалах, потолок в люстрах! Везде живопись, резьба и позолота. Я думал, что вошел в какой-нибудь храм вкуса и художеств! Все, что роскошь и мода имеют блестящего, было тут; все, что нега имеет заманчивого, было тут. Дом сей походил более на чертог сибарита, нежели на съестной трактир...»

Но чудеса гастрономии только начинаются:

«Нам тотчас накрыли особый стол на троих; явился слуга, подал карту, и должно было выбирать для себя блюда. Я взглянул и остановился. До ста кушаньев представлены тут под такими именами, которых у нас и слыхом не слыхать. Парижские трактирщики поступают в сем случае как опытные знатоки людей: они уверены, что за все то, что незнакомо и чего не знают, всегда дороже платят. Ку-

сок простой говядины, который в каких бы изменениях ни являлся, все называют у нас говядиной, тут, напротив, имеет двадцать наименований. Какой изобретательный ум! Какое дивное просвещение!»

Русские казаки заходили в парижское заведение промочить горло и погоняли подавальщика по-русски – так родился особый вид французского общепита, рюмочной и закуской в одном флаконе, bistro от слова «быстро». Версия эта, правда, оспаривается некоторыми

тор увидел, что его маршалы не желают сражаться, и принял решение отречься в пользу своего трехлетнего сына, римского короля, при регентстве императрицы Марии-Луизы. Приближенные горячо одобрили этот план.

В ночь с 4 на 5 апреля в дом Талейрана прибыли Коленкур и маршалы Ней и Макдональд. Царь принял их в гостиной на первом этаже. В то же самое время этажом выше Талейран и один из виднейших роялистов, граф де Витроль, обсуждали проект реставрации Бурбо-

Елисейский дворец наконец провели на предмет взрывчатки. Съезжая от Талейрана, русский император попросил хозяина одолжить ему Карема до конца его пребывания в Париже. Талейран, естественно, не мог отказать. Король поваров в эти дни стал поваром королей. «Моя кухня, – писал впоследствии Карем, – была авангардом французской дипломатии». Когда царь, собираясь в Россию, предложил и ему поехать с ним, Карем отказался. Два дела удержали его в Париже: рождение сына и хлопоты по изданию поваренной книги. Спустя несколько лет Карем стал придворным шеф-поваром другого монарха Европы – английского.

На службе у обжоры Георга

Британская монархия в начале XIX века осталась без короля. Правивший могучей империей более полувека Георг III на склоне лет ослеп и потерял рассудок. Но живого монарха нельзя было лишиться трона, и парламент 6 февраля 1811 года принял Билль о регентстве. Главой государства стал старший сын короля принц Георг Август Уэльский.

Эпоха регентства вошла в анналы как исключительно плодотворный период в истории прикладных искусств и уникальный в формировании того, что по сей день считается английским стилем и вкусом. Принц-регент был бонвиван, транжира и игрок. Страсть Георга к изысканным интерьерам и красивой одежде способствовала бурному развитию декоративного и мебельного искусств и революции в мужском костюме. Из него исчезли бархат, шелк, кружева, золотое шитье, яркая расцветка; на смену скованности и застегнутости пришли простота, непринужденность и черно-серо-белая гамма. Именно в это время Англия сделалась законодательницей мужской моды. Русский денди Евгений Онегин держит в своем кабинете «все, чем для прихоти обильной торгует Лондон щепетильный».

Как и многие его подданные, принц-регент, которого называли за утонченную галантность «первым джентльменом Европы», был отчаянным галломаном. Победитель Наполеона, он собрал коллекцию статуэток и портретов поверженного императора. А кроме того, Георг Уэльский обожал французскую кухню и после войны вознамерился устроить у себя стол, какому позавидовал бы «король-гурман» Людовик XVIII.

Король поваров впоследствии утверждал, что соблазнился высоким жалованьем. Принц-регент предложил ему 2000 фунтов в год – сумму по тем временам громадную, особенно если учесть, что до этого Георг навлек на себя недовольство парламента тем, что нанял повара за 200 фунтов в год.

Карем приехал в Англию в июле 1816 года. Ни в чем себе не отказывавший хозяин дома к тому времени чудовищно разжирел – он весил 20 стоунов, то есть 138 с половиной килограммов, а размер его талии составлял 50 дюймов, они же 127 сантиметров; когда живот принца не был затянут в корсет из китового уса, его брюхо свисало чуть ли не до колен. Толщина принца и его обжорство были дежурным предметом карикатур на него. Помимо тучности, Георга, как и его отца, мучили хронические боли в кишечнике. Антонен Карем обещал принцу, что поможет ему похудеть и избавит от несварения желудка (он не знал, что страдания Георга объясняются редким наследственным заболеванием – порфирией).

В Англии Карему наконец удалось в полной мере учинить новый способ сервировки – а la russe вместо a la française. При сервировке по-французски все блюда ставились на стол одновременно, ►

Портрет Карема работы Шарля-Огюста Стабена

лингвистами, но все равно назвать московские кафе «Русское бистро» – такая же смешная идея, как словосочетание «французское мерси».

Тем временем в особняке Талейрана на рю Сен-Флорентэн, у ворот которого встали на караул дюжие гренадеры-преображенцы, вершилась история. Наполеон, который стоял со своей армией в Фонтенбло и не терял надежды выбить союзников из Парижа, послал в Париж своего министра иностранных дел Коленкура с инструкциями затянуть насколько возможно переговоры о капитуляции. За три дня он рассчитывал стянуть к столице все верные ему войска и дать бой этой 70-тысячной группировке. Однако при первой же встрече Коленкуру было сказано, что первое и важнейшее условие мира – отречение Наполеона. Получив этот ответ утром 4 апреля, импера-

нов. Александр был готов согласиться с предложением Наполеона. Хотя к этому времени Сенат уже принял решение в пользу Бурбонов, легкость, с которой он это сделал, убеждала царя в том, что это «волеизъявление» – чистая профанация.

Все действующие лица этого последнего акта великой драмы встретились за изысканным ужином. От русского царя ждали тоста: провозгласит ли он здравцу римскому королю или дому Бурбонов? Александр поднял свой бокал и сказал, что пьет за здоровье короля поваров Антонена Карема.

Часы пробили пять, царь отослал прислугу и лег в постель. По пробуждении первыми его словами была фраза о том, что Наполеон должен отречься безо всяких условий. После этого Александр заказал завтрак.

горячие – на жаровнях или спиртовках. Гости наполняли свои тарелки сами. Неприятность этого способа заключалась в том, что есть приходилось не то, что хочется, а то, что ближе стоит; просить дальнего соседа передать блюдо с другого конца стола было не всегда удобно. Русский способ – это когда на столе стоят лишь холодные кушанья и фрукты. Горячими блюдами обносят гостей лакеи; зная меню всего обеда, гость может выбрать еду по вкусу. Сервировку а la russe привезли в Париж из России повара, которым довелось работать у знатнейших русских вельмож, но во Франции она не прижилась: ее недостатком считалось то, что по дороге с кухни кушанье остывает.

Сохранившиеся бухгалтерские книги говорят о поистине раблезианских аппетитах принца и его гостей. Рядовой обед в Карлтон-хаусе состоял из 30 блюд. Карем не знал недостатка ни в каких продуктах; закупались они в фантастических количествах. Да и мудро было сэкономить: обеденный стол во дворце был длиной 61 метр. Эта взлетно-посадочная полоса зачастую украшалась настоящим фонтаном, обрамленным живыми цветами и мхом; в водах настольного водоема резвились золотые рыбки, а поперек были перекинута серебряные мостики с башенками. Обеды и балы-маскарады устраивались то на китайский, то на турецкий, то на индийский, то на готический манер.

В январе 1817 года в Англию с визитом приехал великий князь Николай Павлович, младший брат императора Александра I, будущий Николай I, которого Георг одно время прочил в женихи своей единственной дочери принцессе Шарлотте. Принц-регент принимал его в Королевском павильоне в Брайтоне – дворце, который Карем особенно любил за небывало огромные кухонные помещения, оборудованные по последнему слову техники, и паровое отопление – новинку того времени. 150 квадратных метров, залитых солнечным светом со стеклянного потолка, бесчисленные масляные лампы с медными отражателями для темного времени суток, решительно все известные цивилизованному человечеству приспособления для поварского дела – такого в карьере Карема еще не бывало. В центре кухни располагался стол, благодаря которому он и смог осуществить свой давний замысел – сервировку порусски: трубы парового отопления были проведены внутри стола, и поставленные на него серебряные блюда под серебряными же колпаками не остывали. И это только главное помещение, а были еще и пекарня, и кондитерский цех, и ледник, и даже отдельная водонапорная башня.

Меню обеда в честь наследника русского престола включало восемь супов, сорок закусок, восемь рыбных блюд, восемь мясных и пятнадцать видов гарнира к ним, восемь видов дичи и тридцать два десерта. Разумеется, на таких званых обедах съедается лишь ничтожная часть приготовленного, и не в обиду поварам. Как говорил Карем, «человек, который называет себя гурманом, а ест, как обжора, – именно обжора, а не гурман».

Карем прослужил у принца-регента меньше года и вернулся домой по нездоровью. Зима 1816–1817 года выдалась ранней и морозной, уже в ноябре выпал снег, лондонцы затопили камин, и повара королей замучил смог, который несведущие люди называют обычно «лондонским туманом» – туман этот навсегда рассеялся после того, как в Англии перестали топить углем. В своих мемуарах Антонен критикует английских поваров за их пристрастие к кайенскому перцу, за то, что допускают на кухню слишком много женщин, и за отсутствие единого руководства в кухонном хозяйстве принца-регента. Кажется, были и какие-то личные причины – роман с замужней поварихой, зависть конкурентов...

Наконец-то в России

Вскоре по возвращении Карема в Париж к нему явился Фёдор Иванович Миллер – метрдотель Александра I, впоследствии исполнявший ту же должность и у Николая I. Он предложил Карему отправить-

Карикатура из английской газеты Brighton Herald, изображающая завтрак принца-регента Георга Уэльского на кухне. Крайний слева – Карем

ся на конгресс европейских монархов в Ахен в качестве личного повара русского императора (видно, царь усвоил мнение Талейрана о связи хорошей кухни с успешной дипломатией). После недолгих раздумий Карем согласился. Жалование он запросил меньшее, чем у принца-регента; зато бюджет потребовал в сто тысяч франков ежемесячно. Сколько времени продлится конгресс, никто не знал, и Миллер рассчитывал уговорить Карема отправиться из Ахена в Петербург на постоянную работу.

Однако вышло иначе: в Ахене Карем сговорился с молодым блестящим дипломатом, английским послом в Вене Чарльзом Стюартом, младшим братом премьер-министра лорда Кэстлри, – в его жену, обворожительную леди Фрэнсис, был одно время влюблен царь Александр. Само же Кэстлри за пристрастие к гусарским мундирам прозвали на Венском конгрессе «золотым фазаном». К этому денди и гурману и поступил на службу Карем. Спустя несколько месяцев он все же не устоял перед соблазном и принял приглашение в Петербург. Парижские повара, до этого уже побывавшие в России и сделавшие там состояния, месье Даниэль и месье Рикет, горячо советовали ехать (об одном из них, а быть может, о Кареме царь Александр однажды сказал: «Он заслужил свое богатство – он научил нас есть»). Поездка едва не закончилась трагически: в Северном море на расстоянии видимости от замка Эльсинор судно попало в отчаянный шторм, и Карем, и без того страдавший морской болезнью, уже попрощался с жизнью. Затем неделю пришлось провести в Кронштадте, созерцая унылый берег и питаясь почти исключительно воблой.

Но Петербург превзошел все ожидания Карема. Он всей душой полюбил этот город с его строгой, холодной архитектурой, подчиненной законам симметрии, как сервировка а la francaise. Его начальниками в Зимнем дворце стали Сергей Волконский и Михаил Орлов – свитские генералы, участники наполеоновских войн и будущие декабристы (это о них пел Булат Окуджава: «Славою увиты, шрамами покрыты...»).

Россия в то время переживала несколько странный период своей культурной истории. Русские аристократы, воспитанные на французской литературе, люди, чьим родным языком был французский, в 1812 году вдруг превратились в заядлых галлофобов. Дамы забросили французские туалеты и облачились в подобие русских крестьянских сарафанов (Нико-

лай II впоследствии превратил «русское платье» в придворный дамский мундир). В светских салонах стали говорить исключительно по-русски. Водка и кислые щи, они же квас, вытеснили за русским столом бордо и шампанское. Этот показательный патриотизм получил ироническое название квасного; поэт Мятлев высмеял квасных патриотов в забавных стихах:

*Патриот иной у нас
Закричит: «дюквас, дюквас,
Дю рассольник огуречный»,
Пьет и морщится сердечный;
Кисло, солоно, мове,
Ме се Рюс, э ву саве.*

После войны французские кухня и напитки начинают постепенно возвращаться в русское застолье – декабристы замышляли свой переворот, по слову Пушкина, «между лафитом и Клико». В столице появились ресторации.

В это «столкновение цивилизаций» и угодил Антонен Карем, очутившись в России. Карема приятно удивило, что его статус в России приблизился к положению знати. Причина крылась, конечно, в том, что в России не существовало третьего сословия: слуги, в том числе подчиненные Карема на кухне, были крепостными, сам же он – иностранной знаменитостью вроде оперной дивы или скрипача-виртуоза. Однажды он даже удостоился приглашения на княжеский обед в качестве гостя. Кушанье ему понравилось, он только посетовал на русский обычай сопровождать прием пищи музыкальным аккомпанементом: оркестр из 60 инструментов, игравший непрерывно от супа до десерта, заставлял гостей не говорить, а кричать.

Наиболее запомнившимся Карему событием его «русского периода» был обед по случаю тезоименитства вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, второй и последней супруги Павла I. Мария Фёдоровна жила в Павловске, во дворце, который Екатерина подарила некогда своему нелюбимому сыну. О Большом Павловском дворце, созданном ирландцем Карлом (Чарльзом) Камероном в стиле французского неоклассицизма, Карем впоследствии высказывался восторженно.

Великий князь Павел Петрович со своей юной женой предприняли в свое время поездку в Европу. Они путешествовали инкогнито под именем князя и княгини Северных. В Версале Мария Фёдоровна подружилась с Марией-Антуанеттой. В Россию она привезла подарок

французской королевы – сервиз севрского фарфора, чашки которого, как утверждают некоторые авторы, были изготовлены по слепку с грудей Марии-Антуанетты. Именно им и был сервирован стол в день именинного обеда.

Карем прожил в России всего несколько месяцев, так ни разу и не покормив царя. Одной из причин отъезда, насколько можно судить, было страшное казнокрадство в царском хозяйстве. Другой – всевозможные интриги и подозрения, которыми всегда славилась русские слуги. Карема подозревали даже в том, что он – французский шпион. Русский обычай, согласно которому шеф-повар исполняет также обязанности метрдотеля, распорядителя обеда, давал возможности для шпионажа, но Карем уже был слишком велик, чтобы заниматься пустяками. «Французский повар, – написал он в своей главной книге, – движим в своем труде чувством чести, неотделимым от кулинарного искусства».

Ублажая «голого ангела»

В Париже его новым работодателем сделалась княгиня Екатерина Павловна Багратион-Скавронская. Внучатая племянница Потёмкина, она была юной фрейлиной против своей воли выдана императором Павлом за 35-летнего генерала князя Петра Багратиона и не сошлась с ним характерами; будучи наследницей громадного состояния, она уехала за границу и сделала, как говорили о ней, «из своей кареты как бы второе отечество». Ее изумительная красота, которой отдавал должное Гёте, делала ее повсюду душой общества. Войну она провела в Вене в качестве хозяйки одного из самых блестящих салонов. В 1812 году Екатерина Павловна овдовела – ее супруг был смертельно ранен при Бородине. Она была близкой подругой канцлера Австрии князя Меттерниха – настолько близкой, что родила от него дочь; блистала на Венском конгрессе; была любовницей Талейрана, Стюарта и, возможно, Александра I. Переселилась после реставрации Бурбонов в Париж, купила дом на Елисейских полях и продолжала давать умопомрачительные балы и обеды. Вторым браком она была замужем за англичанином лордом Гоуденом, но и с ним жила врозь. В Париже ее звали bel ange nu – «голый ангел» – за страсть к полупрозрачным газовым платьям. Княгиня Багратион продолжала одеваться подобным образом даже в преклонном возрасте, когда

у нее отнялись ноги и лакеи возили ее в кресле. На закате жизни она была окружена всевозможными светскими проходимицами, обгладывающими остатки ее имения. Некоторые авторы утверждают, что в свою бытность в Вене она исполняла шпионские поручения Петербурга. Для таких утверждений серьезных оснований не имеется.

Карем работал у княгини Багратион в ее лучшие, золотые парижские годы. Платила она более чем щедро, но не позволяла ему принимать чьи бы то ни было предложения. От нее Карем вернулся к лорду Стюарту и продолжал изумлять венское общество неистощимостью своих фантазий. В этот период он придумал и ввел в обиход поварской костюм – в частности, высокий головной убор; прежний бесформенный напоял ему ночной колпак. Тогда же он издал богато иллюстрированную книгу собственных проектов архитектурной отделки петербургских зданий. Карем испросил высочайшего разрешения посвятить свой труд императору Александру I и получил его. Однако коммерческого успеха книга не имела – от Карема ждали рецептов, а не чертежей.

Последний рецепт

В январе 1820 года в Англии наконец отлучился король Георг III, и на престол взошел принц-регент. Коронация была назначена на 19 июля 1821 года. Лорд Стюарт и Антонен Карем оба получили приглашения: первый в качестве гостя, второй – в качестве шеф-повара. Они отправились в путь на паровом пакетботе «Роб Рой», который был технической новинкой и только что начал ходить через Ла-Манш, но опоздали.

Впоследствии Карем бурно радовался этому: торжество обернулось скандалом, над которым хохотала вся Европа. В свое время парламент согласился заплатить долги принца Уэльского в обмен на женитьбу и рождение наследника. В невесты ему подобрали его двоюродную сестру Каролину Брауншвейгскую. Георг возненавидел ее с первой же минуты. На церемонии венчания он явился, подобно шекспировскому Петруччо, пьяным до положения риз – в данном случае буквально, а в брачную ночь свалился с супружеского ложа на пол. Но недаром Бисмарк называл Германию «племенной фермой Европы»: единственной ночи оказалось достаточно, чтобы принцесса зачала и родила дочь. Сразу же после благополучного разрешения от бремени принц прогнал проклятую немку со двора. Однако в день коронации Каролина, по закону ставшая королевой, явилась в Лондон и при большом стечении публики пыталась прорваться в Вестминстерское аббатство, где проходила церемония. В итоге парадный обед начался гораздо позже, чем планировалось, и, как злорадствовал Карем, горячие блюда остыли, а холодные десерты растаяли. Тем не менее угощение обошлось в 276 476 фунтов стерлингов, из которых половину заплатил парламент, а остальное – французские налогоплательщики, в том числе Карем, в качестве военных репараций.

Последняя глава жизни и творчества Карема связана с именем Якоба (Джеймса) Ротшильда – младшего сына основателя знаменитого банкирского дома, сделавшего ставку на антинаполеоновскую коалицию. Именно парижское отделение банка Ротшильдов, которым руководил Джеймс, занималось переводом французских репараций победителям. Джеймс Ротшильд был чутким игроком на бирже. В то время (1823 год) он, одна-

Кондитерский магазинчик Карема на рю де ля Пэ. Рисунок, опубликованный в путеводителе по Парижу (издан в 1863 году)

ко, еще не достиг вершин своего финансового могущества. Ему был 31 год, и он был помолвлен со своей несовершеннолетней племянницей. Он купил парижской дом падчерицы Наполеона Гортензии Богарнэ, королевы Нидерландов, на рю Лафитт, стал банкиром правительства Людовика XVIII, но не был принят в парижском обществе. Причина крылась, разумеется, в антисемитизме – один из его гостей говорил потом знакомым, что еда в доме Ротшильда «воняет синагогой».

С этой проблемой Джеймс Ротшильд справился с помощью двух испытанных средств – молодой красавицы-жены и гениального повара. Не бывать в доме, где служит такое светило гастрономии, как Карем, стало смешно. Ротшильды держали стол не менее чем на 12 кувертов каждый будний день, а на большие балы на рю Лафитт съезжалось до 3000 гостей. Про «синагогу» все забыли, хотя выкrestaми хозяева не стали. В салоне Джеймса и Бетти Ротшильдов бывали Гюго и Бальзак, описавший его в романе 1838 года «Банкирский дом Нусингена», художники Энгр и Делакруа, здесь играли Шопен, Лист и Паганини, а Россини, считавшийся одним из самых тонких гурманов XIX столетия, посвящал свои произведения дочери Ротшильдов Шарлотте (все они, впрочем, были клиентами банка Ротшильдов).

В 1830 году Карем оставил службу у Ротшильдов. Его здоровье было окончательно подорвано. Бывший принц-регент, а теперь король Георг IV в очередной раз попытался заманить его в Лондон, получил отказ, а вскоре сам отдал Богу душу. Диагноз – «ожирение сердца» – никого не удивил.

Последние два года жизни Карем посвятил изданию полного собрания своих рецептов. Доктора считали его болезнь кишечным туберкулезом, который он подцепил, хлебнув сырого молока. Но сегодняшние диагносты видят все симптомы систематического отравления угарным газом.

У одра болезни дежурила его дочь Мари. Вечером 12 января 1833 года он попросил приготовить ему рыбу. «Вчера морской язык был очень хорош, – с трудом проговорил он. – Но вы не приправили его как следует...» И Карем стал диктовать рецепт, но не успел закончить и впал в кому.

Кулебяка по Карему

В чем же состоят заслуги Антонена Карема перед проголодавшимся человечеством? Быть может, самая главная – в том, что он придал профессии должное достоинство: из слуги или наемного работника повар-кулинар высшей квалификации превратился в артиста, полу-

чающего ангажемент и знающего себе цену. Карем первым ввел точную рецептуру, первым начал разрабатывать теорию соответствия еды и вина. Принято считать, что он «подружил» французскую и русскую кухни, создал синтез обеих. Это сильное преувеличение. Его личным вкладом в русскую кухню специалисты считают соусы на основе сливок и сметаны. (Он вообще был неутомимым изобретателем густых соусов; его даже критиковали за это: он будто нарочно путал вкусовые ощущения, подавал омары под соусом из сыра, трюфели – под соусом из омара...)

Из России он заимствовал прежде всего приемы сервировки: традицию обильного украшения стола цветами и плодами и обычай выпивать перед обедом рюмку водки и закусывать стоя за отдельным столом. Он ввел в свой «репертуар» кулебяку, заменив русское тяжелое тесто своим легким слоеным (главной начинки русских пирогов и кулебяк, выиги, в Париже у него, конечно, не было). Успехом пользовался и борщ, но только в «эстетской» версии. Вообще, когда внимательно смотришь «русские» рецепты Карема, видишь, что русского в них разве что первоначальная идея, преобразованная порой до неузнаваемости. Ну, так это всегда так. Кто читал оригинальный рецепт салата оливье, никогда не узнает в нем любимое блюдо советского народа. Люсьен Оливье создал это произведение высокой кухни из мяса рябчиков, раковых шеек, телячьего языка, паюсной икры, пикулей и каперсов: ни докторской колбасы, ни картошки, ни гороха в нем не наблюдалось. Впрочем, знатоки утверждают, что подлинный рецепт утрачен со смертью автора.

Из России он заимствовал прежде всего приемы сервировки: традицию обильного украшения стола цветами и плодами и обычай выпивать перед обедом рюмку водки и закусывать стоя за отдельным столом.

Виват, Елизавета!

■ Сергей МАКЕЕВ

Публикация 2011 года

И одна российская императрица не удостоилась такого восторженного внимания художников и поэтов, как Елизавета Алексеевна, супруга Александра I. Парадные портреты придворных живописцев и заказные вирши маститых стихотворцев здесь не в счет, хотя и они были недурны. Вполне независимые художники с мировыми именами мечтали написать портрет Елизаветы; лучшие поэты посвящали ей стихи. В отличие от художников, поэты восхищались не только красотой императрицы. Многие знают пушкинские строки:

*И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.*

Их часто цитируют как выражение гражданской позиции поэта; школьникам рекомендуют ставить их эпиграфом к сочинению на тему «Пушкин о назначении поэта». Не все знают, что в этом стихотворении автор воспедал императрицу Елизавету Алексеевну. Тема довольно странная для поэта-задиры, ведь в это же самое время он написал сатиру на царя:

*Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
За ним и весь народ.*

Неудивительно, что Александр I вскоре отправил Пушкина в ссылку.

И вдруг – панегирик жене деспота, Елизавете Алексеевне. Теперь становится понятно, почему Пушкин в начале стихотворения словно оправдывается за похвалу императрице.

*...Свободу лишь учась славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей.*

И лишь затем автор признается, что для одной только венценосной особы сделал исключение:

...Елисавету втайне пел.

Видите, как – ругал царя почти открыто (стихи ходили в рукописях по Москве и Петербургу), а царицу воспевал втайне!

*...Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой...*

В советских изданиях это стихотворение озаглавлено «К Н.Я.Плюсковой». На самом деле оно называлось «Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елизаветы Алексеевны». Эти два названия в совокупности отчасти объясняют историю создания произведения. Наталия Яковлевна Плюскова была фрейлиной императрицы, и вызов исходил от нее. Она была начитанной дамой, знала многих литераторов лично. Вероятно, она рекомендовала своей госпоже прочитать те или иные произведения, в том числе и ходившие в рукописях. Возможно, в кругу литераторов зашел разговор о «нетипичной» императрице: о ее разнообразных интересах и талантах, ее сострадательном сердце, непоказной благотворительности.

В стихах Пушкина содержался, так сказать, и общественный вызов: Елизавета Алексеевна в эти годы была, как говорили, «забытой императрицей» – царственный супруг к ней охладел, двором правляла свекровь, вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. Проницательный французский дипломат писал о Елизавете: «Царствующая императрица

Портрет императрицы Елизаветы Алексеевны. Художник Монье Жан Лоран. 1807 г.

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ И ЗАПРЕТНАЯ ЛЮБОВЬ СУПРУГИ АЛЕКСАНДРА I – ЖЕНЩИНЫ, ПЕРЕД КОТОРОЙ ПРЕКЛОНЯЛСЯ ПУШКИН, А НЕКОТОРЫЕ ИЗ ДЕКАБРИСТОВ ХОТЕЛИ ВОЗВЕСТИ ЕЕ НА ТРОН

живет в полном уединении. Она много занимается умными вещами, она много читает, много рассуждает о наших великих писателях, мало говорит...» Русский дипломат добавлял: «Она – жертва политики: у нее нет славы и популярности в общественной жизни и счастья в личной».

Казалось, и этих поводов Пушкину было достаточно, чтобы ответить на вызов – вызовом. Но были и другие тайные мотивы, зашифрованные в строке «Любовь и тайная свобода...»

О какой любви писал поэт? Какую свободу он имел в виду?

Поцелуй по ошибке

В день открытия Царскосельского лицея торжество посетила императорская чета. Саша Пушкин впервые увидел свой идеал. Елизавета Алексеевна покорила всех – от лицеистов до профессоров. Однако в ее глазах была заметна затаенная печаль, и держалась она несколько отстраненно от супруга и свиты. Во время обеда императрица запросто подошла к лицеисту Корнилову, тот хотел было встать, но Елизавета удержала его легким прикосновением и спросила:

– Карош суп?

Мальчик так смутился, что ответил невпопад:

– Oui, monsieur!

Все рассмеялись. Корнилова потом

долго дразнили monsieur. С тех пор Пушкин не раз видел Елизавету Алексеевну, чаще всего гуляющей в саду в сопровождении фрейлины. Однажды в темном коридоре флигеля, где находились покои фрейлин, он услышал шорох платья и легкие шаги, появилась женская фигура. Пушкин бросился к ней, но... обознался. Уже на другой день немолодая фрейлина княжна Волконская пожаловалась государю, а тот выговорил директору Лицея Е. А. Энгельгарту: «Что ж это будет? Твои воспитанники не только снимают через забор мои наливные яблоки... но теперь уже не дают проходу фрейлинам жены моей!» Возможно, муж догадался, что поцелуй предназначался вовсе не фрейлине...

И вот в юношеских стихах Пушкина появился возвышенный образ, который нельзя соотнести ни с одной из возлюбленных поэта. Особенно часто такие строки встречаются в стихах 1816 года, когда венценосные супруги жили в Царском селе: «Одну тебя в неверном вижу сне...»; «Везде со мною образ твой, / Везде со мною призрак милый...»

Это никак не почтенная Е. А. Карамзина, и не смуглянка Бакунина, которыми Пушкин увлекался в эту пору. Наконец, через год, Пушкин признался близкому другу в любви к недостижимому божеству:

*Я знал любовь, но я не знал надежды,
Страдал один, в безмолвии любил.*

И, наконец, еще через год назвал ее по имени: «Елисавету тайно пел...»

Пушкин был не воздержан на язык. Он часто и много говорил о своих серьезных романах, легких увлечениях и амурных похождениях. Но только не об этой «утаенной любви». В известном «донжуанском списке», составленном самим Пушкиным, лишь одно имя зашифровано литерами NN. Хронологически оно приходится как раз на Царскосельский период. Елизавета Алексеевна была единственной, чье имя поэт не мог открыть даже намеком. По крайней мере, при жизни императрицы. Да и не хотел поминать ее имя всуе, тем более, в легкомысленном списке, в ряду прочих женщин.

Единственный мужчина в семье

Ко времени создания «Ответа на вызов...» в России уже сложилась оппозиция существующей власти, действовал «Союз спасения», затем образовался «Союз благоденствия» – предвестники тайных обществ, подготовивших восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 года.

Алексей Яковлевич Охотников. Известный художник. Начало XIX в.

Когда-то сам будущий император Александр I был в оппозиции к своему отцу. Великий князь Александр с близкими друзьями мечтал о конституционной монархии, освобождении крестьян, но это была лишь игра в заговорщиков; при дворе кружок великого князя Александра в шутку прозвали «якобинской шайкой».

В начале царствования Александра I встречи молодых реформаторов стали регулярными, теперь их кружок назывался Негласным комитетом. Однако реформы были робкими, а результаты весьма скромными. Постепенно Александр все более отдалялся от государственных дел; реформатору Сперанскому он предпочел «эффективного менеджера» Аракчеева. Царь много разъезжал по стране и за границам и, по меткому замечанию современника, правил Россией «с почтовой коляски».

Наконец, нежелание царя проводить реформы стало очевидным, и тогда сформировалось движение, оппозиционное к бывшему оппозиционеру.

Всех «несогласных» той поры именуют декабристами. На самом деле далеко не все просвещенные и свободолюбивые люди входили в названные тайные союзы, и уж совсем немногие ратовали за уничтожение монархии и монархии. Существовало много более умеренных просветительских «вольных обществ», таких, как «Зеленая лампа», которую посещал и

Пушкин. Наконец, идеалы просвещения и свободы проповедовали в многочисленных масонских ложах. Одна из лож была основана с разрешения государя и названа в честь молодой императрицы «Елизавета к добродетели». «Елизаветинские масоны» носили звезду с вензелем императрицы, ложа славилась щедрой благотворительностью.

В творческой среде сложился своего рода культ почитания Елизаветы Алексеевны. Князь Вяземский писал, что она «единственный человек в семье», – так обычно переводят эту фразу с французского. А можно перевести «le seul homme de la famille» как «единственный мужчина в семье». Это будет вернее, исходя из стилистики текста, изобилующего остроумиями, да и по существу: внешне хрупкая прелестная женщина обладала завидным мужеством, которое позволяло ей выживать в непростых обстоятельствах, да еще поддерживать мужа, а он частенько в этом нуждался.

Сокрытые до поры силы и возможности Елизаветы усматривали в ней и люди научного склада. Незадолго до нашествия Наполеона известный ученый Паррот, хорошо знавший семью императора, прислал Александру I секретную записку: он предлагал, в случае отъезда императора в армию, провозгласить Елизавету Алексеевну Регентшей. «У нее высокий дух, верное видение вещей», – писал ученый.

Александр I не последовал совету Паррота. Но императрица и без того много сделала во время Отечественной войны для раненых, сирот и обездоленных. Она следовала за императором в заграничном походе 1813 года, буквально в арьергарде наступающей русской армии. Знаменитая французская писательница мадам де Сталь, ознакомившись с благотворительной деятельностью Елизаветы Алексеевны, назвала ее «ангелом-хранителем России».

В 1820 году, когда тучи сгустились над головой Пушкина, к императрице обратился Карамзин с просьбой заступиться за опального поэта. Вероятно, благодаря ее участию, Пушкин отправился не в Сибирь, а в южную ссылку.

Тогда же состоялось тайное собрание «Союза Благоденствия» на квартире Фёдора Глинки, полковника генерального штаба и поэта. Стихи он писал так себе, но человек был достойный. У Глинки обсуждался главный вопрос: быть России республикой или оставаться монархией? Все решительно выступали за республику, и только Глинка стоял за монархию, но при условии, что на трон будет возведена Елизавета Алексеевна. Свою позицию он обосновывал тем, что императрица умна, образована, в ее окружении есть толковые люди, например, ее секретарь Лонгинов, получивший образование в Англии. Простой народ привык к заветным молитвам в честь Елизаветы, а люди сведущие смотрели на нее, как «на страдательное лицо из всей царской фамилии, всегда брали в ней особенное участие, и поэтому, смело можно сказать, все сердца на ее стороне». Вдобавок, России не привыкать к женскому правлению, почти весь прошлый век правили императрицы. К тому же, у Елизаветы нет наследников, это дает в будущем возможность мирного перехода к республиканскому правлению.

Глинку не поддержали, но он не отступился и сформировал новую тайную организацию, носившую длинное название «Вольное общество любителей Российской словесности». Глинка привлек в члены общества секретаря императрицы Лонгинова, и вскоре организация стала называться просто «Общество Елизаветы».

Позднее к мнению Глинки присоединился декабрист барон Владимир Штейнгель. Незадолго до восстания он убеждал руководителей, «что в России республика невозможна, и революция с этим намерением будет гибельна... Если же непременно хотят перемены порядка, то лучше признать царствующую императрицей Елизавету Алексеевну...» Утром накануне восстания он принес подготовленный им манифест, который оканчивался такими словами: «...нам осталась мать в Елизавете. Виват – Елизавета Вторая и Отечество!» Штейнгеля на

Портрет Его императорского Высочества Цесаревича и Великого князя Константина Павловича. II половина XIX в. Гравюра О. Киселёва

этот раз поддержали Сергей Трубецкой и Гавриил Батеньков, но переубедить остальных они не смогли...

В общем, с именем Елизаветы Алексеевны связывали надежды на либеральные перемены. Так думал и Пушкин, когда писал о «тайной свободе».

И все они ошибались. Императрица всегда и во всем поддерживала мужа, даже в таких жестоких экспериментах, как создание военных поселений. Правда, она была либеральнее в своих литературных оценках, милосерднее к простым людям. Но ее страшила сама возможность революции или дворцово-

го переворота. Память об ужасных обстоятельствах свержения Павла I пугала императрицу всю жизнь.

Была ли она столь же верна императору в семейной жизни?

Измена за измену

Брак Александра и принцессы Баденской, в православном крещении – Елизаветы устроила бабка, Екатерина II. Жениху было тогда шестнадцать лет, невесте всего четырнадцать. Даже по тем временам этот брак считался слишком ранним. А проще говоря, они были почти детьми, но столь прелестными, что их тотчас окрестили – Амур и Психея. Старик Державин откликнулся на помолвку стихами в стиле рококо:

*Амуру вздумалось Психею
Резвяться поимать,
Опутаться цветами с нею
И узел завязать.
Прекрасна пленница краснеет
И рвется от него;
А он как будто бы робеет
От случая сего.*

Между женихом и невестой вспыхнула влюбленность со всеми неизменными приметами: замиранием сердец, трогательными записочками, первым неумелым поцелуем...

Искушенная в делах любви бабушка решила подготовить жениха и направила к нему опытейшую свою фрейлину. 28 сентября 1793 года Александр и Елизавета стали супругами. То ли урок пошел не впрок, то ли молодые, действительно, не были готовы к физической близости, но их интимная жизнь, мягко говоря, не

заладилась. Только пять лет спустя у них родилась дочь, но прожила меньше года. Вероятно, после этого муж окончательно охладел к супруге. Но они все-таки любили друг друга, каждый по-своему. Александр – с чувством явного превосходства и, конечно, со свойственной ему тягой к актерству. Она – с обожанием и готовностью все принять и все простить.

Молодых спланивало и сложное положение при дворе. Им приходилось лавировать между Екатериной и родителями Александра – великим князем Павлом Петровичем и его супругой Марией Фёдоровной. Во время царствования Павла I ситуация стала еще напряженной...

Но вот Александр сам вступил на престол и произнес двусмысленную фразу: «Все будет как при бабушке!» Многие поняли это как поощрение распущенности.

Доходило до полной дикости: брат царя великий князь Константин решил отомстить своей неприступной возлюбленной самым мерзким образом. Он обманом заманил ее в свою резиденцию и изнасиловал. Затем беспомощностью дамы воспользовались его адъютанты, камердинер и лакеи. Бедная женщина умерла. Дело было замято, император объявил, что цесаревич Константин никакого касательства к оному инциденту не имел. Может, кого-то вердикт императора убедил, но только не жену Константина, великую княгиню Анну Фёдоровну: она уехала за границу и больше не вернулась.

Александр I тоже пустился во все тяжкие. За короткое время император удостоил своим вниманием графиню Бобринскую и нескольких французских актрис. Он уже пресытился неискушен-

Портрет Александра I. Художник Владимир Боровиковский. Начало 1800-х.

Портрет Марии Нарышкиной. Художник Николай Аргунов

ностью жены, и теперь отдавал предпочтение дамам более опытным. Вскоре император увлекся красавицей Марией Нарышкиной. Ее супруг получил сразу две должности: официальную – обер-егермейстера, и неофициальную – «снисходительного мужа». Говорили, что при назначении начальника охотничьего хозяйства Александр I шепнул любовнице: «Я наставил ему рога, поэтому поручаю ему своих оленей».

Эта многолетняя связь была у всех на виду, о ней доносили иностранные дипломаты. Нарышкина, дама, что называется, без комплексов, даже сообщила Елизавете Алексеевне о своей беременности, когда еще признаки были незаметны. «Каким бесстыдством надо обладать?!» – писала униженная

Александр I, конечно, нашел себе оправдание: «...так как союз наш заключен в силу внешних соображений, без нашего взаимного участия, то мы соединены лишь в глазах людей, но перед Богом оба свободны».

Елизавете Алексеевне было всего двадцать три года, но она почувствовала себя немолодой, одинокой и усталой женщиной. Так продолжалось до тех пор, пока в начале 1803 года она не встретила взглядом с молодым кавалергардом, дежурившим в тот день в охране дворца.

Его звали Алексей Охотников, он был из семьи богатых воронежских помещиков. В 1801 году он поступил в Кавалергардский полк, через год был произведен в поручики. Позднее получил должность казначея полка и чин штаб-ротмистра. Охотников часто появлялся в светских гостиных, на балах и приемах. Как и многие его товарищи, он иногда нес караульную службу во дворце. Наконец, Алексея начали узнавать в высшем свете, его запомнил император.

Внимание императрицы перевернуло всю жизнь Охотникова. Теперь во всякую свободную минуту он мчался туда, где мог хотя бы мимолетно увидеть Елизавету Алексеевну. Когда она ехала на прогулку в коляске, он как будто случайно несколько раз попадался ей навстречу. Если гуляла в парке, то вдруг обнаруживала вырезанные на стволе дерева слова: «Я был здесь, чтобы видеть вас». Иногда Елизавета Алексеевна бешена ревновала. Однажды на балу Охотников оживленно беседовал с красавицей Натальей Загряжской, будущей тещей Пушкина, а бедная Елизавета Алексеевна украдкой кусала губы.

Императрица кратко описывала свои встречи с Охотниковым в дневнике: «После обеда я случайно глянула из окна диванной комнаты на набережную, когда он проезжал, он не мог меня видеть, я заметила только его плюмаж и узнала коляску... Но это мгновение произвело во мне извержение вулкана, и часа два потом кипящая лава заливала мое сердце...»

Летом Елизавета Алексеевна решила избавиться от пагубной страсти, запретила себе не только смотреть, но и думать об Охотникове. Но, промучившись полтора месяца, сдалась: «Прелестен (подчеркнуто в дневнике), прощай борьба, продолжавшаяся 6 недель, один этот миг сделал напрасными все мои страдания».

Этот роман взглядов, тайных знаков и затаенных вздохов продолжался почти два года. В дневнике императрица называла его Vosdu – может быть, оттого, что он был живительным воздухом, которым она не могла надыхаться.

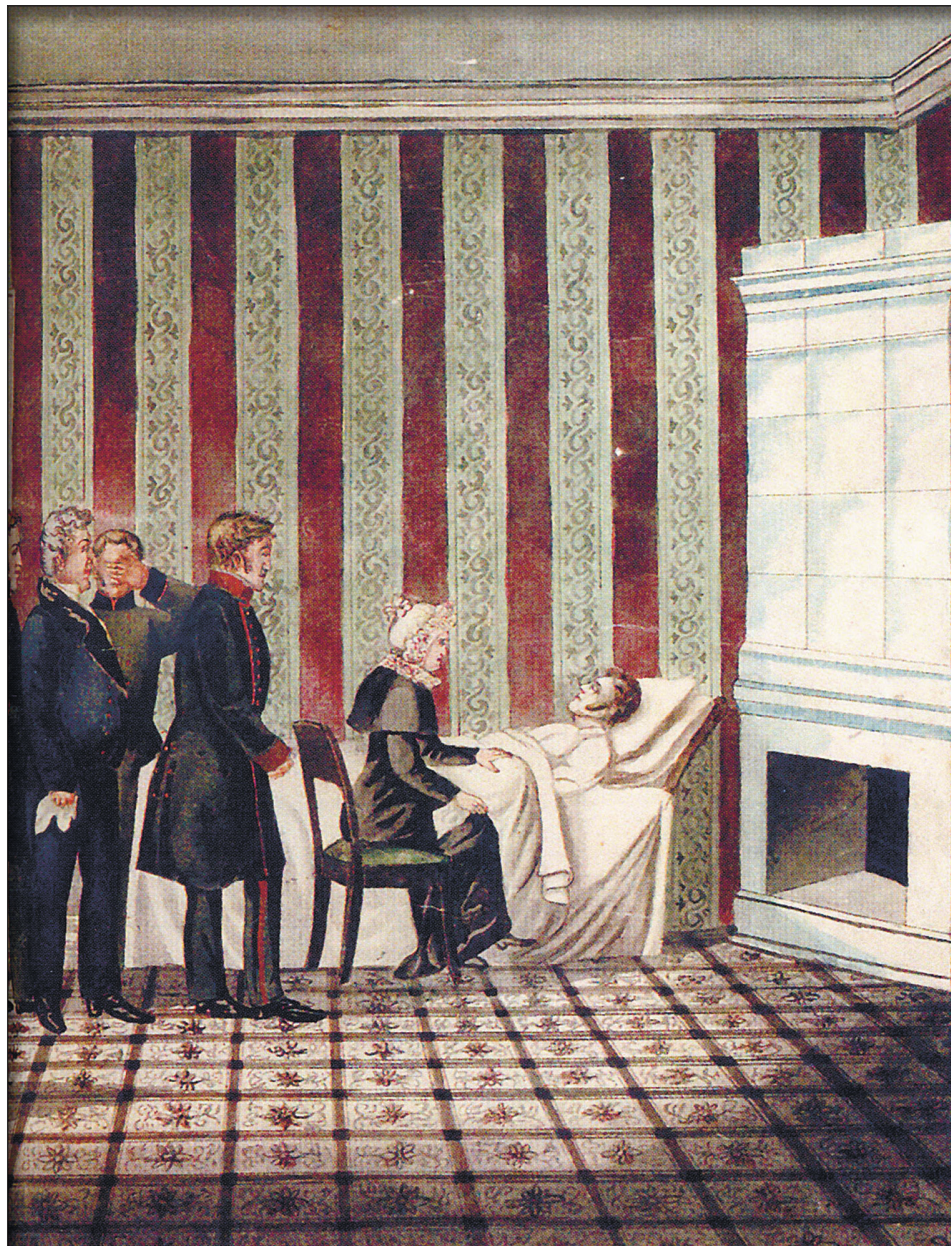
Кавалергарда век недолог

В 1805 году русская армия во главе с императором выступила в заграничный поход, в том числе, и кавалергардский полк. Но Охотников остался в столице – его назначили интендантом, он закупал для полка провиант и амуницию и только иногда ездил в действующую армию. Вероятно, это назначение объясняется еще и тем, что Алексей страдал «грудной болезнью» – чахоткой. Елизавета Алексеевна знала об этом, всегда с грустью отмечала в дневнике, когда он плохо выглядит, и ликовала, когда он имел здоровый вид. Это придавало их отношениям оттенок обреченности.

С той поры между влюбленными началась регулярная переписка, а затем и тайные свидания. Чаще всего летом, когда императрица жила во дворце на Каменном острове или в Таврическом. Ночью Охотников забирался в окно императрицы, они проводили вместе несколько упоительных часов, а под утро любовник спускался вниз. Только прижатые цветы под окнами любимой могли бы выдать его.

Когда свидания были невозможны, они засыпали друг друга нежными письмами. В них Алексей называл возлюбленную «мой Бог, моя Элиза», «моя маленькая жenuшка»... Удивительно, что роман императрицы так долго оставался секретом. Об этом знали только две фрейлины и сестра Елизаветы, принцесса Амалия. Но случилось то, что должно было случиться – в 1806 году императрица понесла. Когда признаки беременности стали очевидными, тайна открылась императору, его сестре, брату и матери – они-то знали, что Александр I давно забыл дорогу в спальню жены. Но дальше этого круга молва не пошла.

Трагическая развязка наступила незадолго до родов. Вечером 4 октября Охотников вышел из театра. К нему приблизился неизвестный, нанес удар кинжалом и тотчас смешался с толпой. Раненого в карете привезли домой, уложили на постель. Скоро явился доктор, осмо-

Смерть Александра I 19 ноября (1 декабря) 1825 года

трел рану, сделал перевязку. Рана оказалась ему неопасной, но врач ошибся. Возможно, и хроническая болезнь подтачивала силы раненого.

История не получила широкой огласки, ходили слухи, что Охотников был ранен на дуэли. Цесаревич Константин Павлович приказал не возбуждать следствия по этому делу. А штабс-ротмистру предложили подать прошение об отставке.

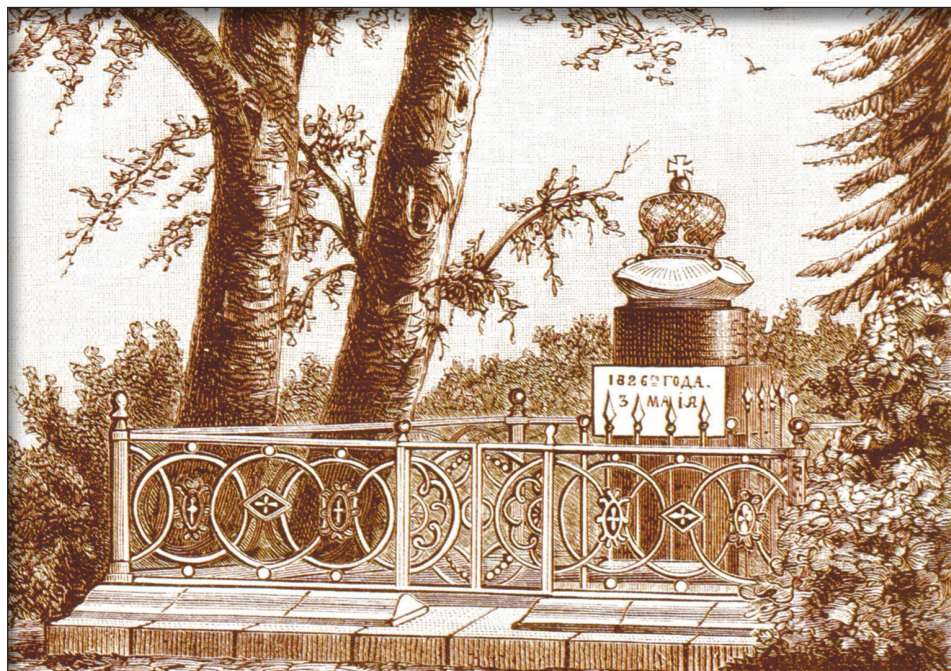
Есть свидетельство, что Елизавета Алексеевна посетила раненого возлюбленного: «Они оба заплакали, обрывочные слова сквозь рыдания были свидетельствами их общей муки. В последнем усилии молодой человек схватил ее руку и покрыл жгучими поцелуями, в то время как, склонившись над ним в порыве глубокого отчаяния, Елизавета видела лишь милые черты, искаженные страданием...»

Через месяц после ранения Алексей Охотников стал отцом – Елизавета Алексеевна родила девочку, нареченную также Елизаветой. А еще через три месяца

Охотников умер. Скоро над его могилой на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры появилось скульптурное надгробие: под сломенным деревом плачет женщина, ее лицо прикрыто покрывалом...

Александр I признал родившуюся девочку своей дочерью. Никто не слышал, какая гроза бушевала тогда в царской семье. Елизавета Алексеевна всю свою любовь перенесла на Лизаньку. Но несчастья продолжали преследовать мать – девочка прожила чуть больше года. Императрица словно окаменела от горя.

Кто же направил руку убийцы? Скорее всего, заказчиком преступления был цесаревич Константин Павлович. Так он вступился за честь брата-императора. Но были у него и другие мотивы. Елизавета Алексеевна никогда не скрывала своего презрительного отношения к грубому и жестокому деверю; она всегда защищала и поддерживала его несчастную жену Анну Фёдоровну. Злопамятный Константин давно мечтал свести с нею счеты.

Памятник Елизавете Алексеевне в Белёве

Прощание с NN

Шли годы. Царственные супруги сохраняли дружеские, часто доверительные отношения. Елизавета Алексеевна по-прежнему была опорой для государя. А ему было от чего горевать: его реформаторская деятельность не состоялась, а реализованные проекты рухнули, военные поселения бунтовали, восстал его любимый Семёновский полк, доносили о тайных обществах и зреющих заговорах. Это было тяжелое прозрение для государя – Россия его не любит!

Когда Александр I болел, Елизавета Алексеевна не отходила от его постели. Самым тяжелым ударом для них обоих стала смерть от чахотки дочери Софьи, рожденной от Нарышкиной. Императрица и сама привязалась к Сонечке, это была и ее утрата. Совместное горе, как в былые времена, сплотило супругов. «Я наказан за мои грехи», – признался Александр. А Елизавета в эти дни писала: «Стоит мне полюбить кого-нибудь, как Бог отнимает его у меня».

Елизавета Алексеевна всегда болела как-то тихо, незаметно, словно не желая беспокоить окружающих. К 1825 году ее состояние всерьез встревожило врачей, они опасались, что осень и зиму в столице она не перенесет. Надо было везти больную на юг, в Италию или во Францию. Александр неожиданно выбрал захолустный Таганрог на берегу Азовского моря. В конце сентября семья обосновалась на этом, с позволения сказать, курорте.

Здоровье императрицы окрепло. Она была счастлива, оттого, что почти всегда была с мужем. «Все свитские, радуясь такой семейной жизни государя с императрицей, называли их между собою молодыми супругами», – вспоминал очевидец.

Но и эта скромная радость длилась чуть больше месяца. Во время поездки в Крым император подхватил лихорадку и через двадцать дней умер. «Я не понимаю себя, не понимаю своей судьбы», – писала Елизавета Алексеевна, – мне ничего не нужно, ничто меня не интересует, у меня нет никаких желаний».

Она устала жить.

На обратном пути, в уездном городе Белёве Тульской губернии, Елизавета Алексеевна тихо скончалась во сне.

Она завещала передать свои дневники историку Карамзину, с которым у нее были доверительные отношения. Она не хотела, чтобы ее любовь навсегда канула в Лету. Но Карамзин только что умер, и все бумаги доставили новому императору Николаю I. В спальне покойной императрицы обнаружили письма Охотникова, его портрет и прядь его волос. Царь сжег все бумаги, но перед этим дал прочитать письма Охотникова жене, императрице Марии Фёдоровне. Она, в свою очередь, выписала отрывки в свой дневник.

Благодаря этим выпискам, воспоминаниям современников, посвященных в тайну, и двум чудом сохранившимся фрагментам дневников самой Елизаветы Алексеевны, была восстановлена эта романтическая и печальная история...

...В 1829 году Пушкин ехал на Кавказ. Он сделал большой крюк, чтобы заехать в Белёв. Там поэт посетил дом купцов Дорофеевых, где скончалась Елизавета Алексеевна, и долго стоял над склепом, в котором покоилась часть ее останков. Может быть, тогда родились строки, опубликованные год спустя:

*Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса...
Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные востыни словеса.*

Так Пушкин простился с загадочной NN, не узнав ее главной тайны.

Иллюстрации
из архива автора

Неистовый Шевалье

ИСТОРИЯ ПОЭТА И ВОИНА АГРИППЫ Д'ОБИНЬЕ

■ Сергей МАКЕЕВ

Публикация 2010 года

Несколько лет назад я рассказал читателям «Совершенно секретно» о необычной литературной мистификации. Два заключенных ГУЛАГа, Юрий Вейнерт и Яков Харон, придумали французского поэта XVI века Гийома дю Вентре, сочинили ему героическую биографию, написали за него целый цикл сонетов «Злые песни». Вымышленный поэт и его стихи стали известны среди любителей поэзии, даже некоторые специалисты клюнули на мастерскую выдумку. Но Вейнерт и Харон, в отличие от других мистификаторов, не стремились исключительно к розыгрышу. Их вымышленный герой помогал авторам выживать в нечеловеческих условиях.

Эта мистификация оказалась с двойным дном: у Гийома дю Вентре был реальный прототип – французский поэт и воин Теодор Агриппа д'Обинье.

Во имя веры

Д'Обинье поздно обзавелся семьей. Как многие немолодые отцы, он не умел общаться с детьми. Когда же сын Констан, дочери Мария и Луиза подросли, отец усадил их перед собой и заговорил:

– Я не рассказывал вам сказок, потому что в моем детстве я их тоже не слышал. Настало время поведать вам историю моей жизни. Может быть, вы поймете своего отца и простите его суровый нрав: все слезы я пролил много лет назад, а улыбки раздарил и того раньше...

Я родился в 1552 году в благородной семье Жана и Катарины д'Обинье. Матушка моя ужасно мучилась при родах, бедняжка испустила дух, едва услышав мой первый крик. Поэтому меня называли Агриппой, что значит на латыни «рожденный в страданиях». Однажды, когда мне было лет шесть, я лежал в своей постели без сна, как вдруг в комнате появилась смертельно бледная женщина,

бесшумно откинула полог, поцеловала меня в лоб и тотчас исчезла. Я до сих пор ощущаю ледяной поцелуй на моем челе. Впоследствии множество раз меня охватывало отчаяние при мысли, что я был невольной причиной смерти матери...

Отец нанимал для меня лучших учителей, приглашал их даже из Парижа. В семь лет я уже читал, писал и говорил на четырех языках, перевел с греческого один из диалогов Платона. Да, у меня были задатки ученого, философа, но Бог судил иначе...

Мой отец был убежденный гугенот, один из вождей протестантов. В восемь с половиной лет он взял меня с собой в Париж. С нами ехали около двадцати дворян, разделявших наши убеждения. Проезжая город Амбуаз в ярмарочный день, мы увидели страшное зрелище: на площади возвышался залитый кровью помост, на котором были выставлены головы только что казненных дворян-гугенотов; тела их товарищей простого звания болтались на виселице. Их казнили по ложному обвинению в заговоре против короля. Мой отец воскликнул: «Палачи! Они обезглавили Францию!» Потом он возложил руку на мою голову и сказал: «Дитя мое, когда упадет и моя голова, не дорожи своею, чтобы отплатить за этих достойных вождей нашей партии. Если ты будешь щадить себя, да падет на тебя мое проклятие!» При этих словах нас начали окружать горожане-паписты, возмущенные такими речами. Но мы дали шпоры коням и прорвались сквозь толпу фанатиков.

В Париже я учился у мудрейшего Матье Бероальда и жил в его доме на полном пансионе. Но в апреле 1562 года гугеноты под командованием принца Конде штурмом взяли Орлеан, и началась настоящая война. По королевскому эдикту гугенотов преследовали и изгоняли из Парижа. На самом же деле их грабили, убивали и даже сжигали. Мой учитель Бероальд велел нам взять с собой самое необходимое и готовиться к бегству. Я в последний раз бросил взор на его пре-

красную библиотеку, и слезы невольно брызнули из очей. Заметив это, Бероальд сказал: «Гордитесь, юноша: в вашем юном возрасте вам выпала честь потерять кое-что ради того, кто все это вам даровал!»

Поздно ночью наш маленький отряд – Бероальд, его жена, их сын, я и двое слуг – тайно выбрались из Парижа. Мы направились в Орлеан, минуя города. Но отряды католиков подстерегали спасающихся бегством гугенотов на всех дорогах. Мы нарвались на отряд легкой конницы под командованием шеваляе д'Ашона, уже прославившегося грабежами и насилиями. Нас допрашивал инквизитор, меня отдельно от остальных; его взбесили мои твердые и простодушные ответы. Взглянуть на меня пожелал и командир сотни. «Вы все осуждены на сожжение, – сказал мне д'Ашон. – Но ты еще можешь спастись, если отречешься от ереси». Я ответил: «Католическая месса для меня страшнее костра».

В ночь перед казнью мы молились, как вдруг дверь тихо отворилась и вошел стороживший нас дворянин. Он поцеловал меня в щеку и прошептал: «Я слышал твои слова, и могу сказать, подобно Христу: вера твоя спасла тебя. Я либо погибну, либо выведу вас отсюда, ради этого отрока!» Бероальд обещал офицеру, что его с честью примут в Орлеане, а мой отец возьмет его на службу. В полночь офицер вернулся с двумя единомышленниками и провел нас мимо стражи.

Много опасностей подстерегало нас в пути, однажды мы попали под огонь аркебуз, но Бог нас хранил, и мы достигли Орлеана. Мой отец, один из командующих обороной, устроил нас в хорошем доме, хотя весь город был наводнен беженцами.

И тут разразилась чума. За полгода умерли тридцать тысяч человек. Я тоже слег и метался в бреду, затем заразились еще четверо в нашем доме, в том числе кроткая госпожа Бероальд. Вскоре заболел даже лекарь, пользовавший нас. Только в ноябре 1562 года чума отступила.

В это время солдаты моего отца захватили в плен шеваляе д'Ашона, нашего мучителя. Солдаты позвали меня посмотреть на пленника. Они подстрекали меня к ругательствам и издевкам, но я сказал только: «Вы бесчеловечны, сударь!» Оскорбляя поверженного, я бы уподобился этому грабителю и насильнику.

В боях за Орлеан мой отец не раз ходил в рукопашную, и в одном бою получил удар копьем под кирасу. Едва оправившись от раны, он принял участие в мирных переговорах с католиками, и даже был назначен докладчиком по делам гугенотов в королевском совете. Но силы оставляли его. Отец позвал меня и сказал: «Помнишь ли мои слова, произнесенные перед плахой в Амбуазе? Люби Бога, науки и своих товарищей», – и поцеловал меня, чего никогда не бывало прежде. Он уехал, но в пути рана его открылась, нагноилась, и отец скончался – как раз в этом треклятом Амбуазе.

Три года я учился в Орлеане, затем мой родственник, назначенный опекуном, отправил меня продолжать образование в Женеву. Там я учился в коллеже еще два года, читал труды раввинов на древнееврейском, легко слагал латинские стихи. Но, в конце концов...

Д'Обинье запнулся. Он решил умолчать о том, как бежал из коллежа. Учеба ему уже приелась, кроме того, в коллеже процветал разврат. Впоследствии д'Обинье слышал, что одного юношу из женевского коллежа, Бартоломе Тесья, казнили за содомский грех – утопили в Роне. Не стал он говорить и о том, как в Лионе бес противоречия толкнул его от богословия к изучению астрологии и магии. Измученный сомнениями, без родных, друзей и без гроша в кармане он оказался на мосту через Сону и был уже готов броситься вниз, но решил напо-

следок прочитать молитву. И когда произнес последние слова «жизнь вечная», его окликнул всадник. Это был его кузен де Шийо, прибывший с деньгами и прощением от опекуна. С тех пор д'Обинье окончательно уверовал в Провидение.

– Ну, что же было дальше? – спросил Констан с нетерпением.

– Война, мои милые, снова война между католиками и протестантами, – продолжал свой рассказ д'Обинье. – Я жил в доме опекуна в Сентонже как настоящий затворник: опекун даже уносил на ночь мою одежду из спальни, чтобы я не убежал сражаться! Однажды неподалеку остановились на привал аркебузиры под командованием капитана Сен-Ло. Вечером я видел, как они тушат костры, слышал, как седлают лошадей. Я связал простыни и спустился из окна в одной ночной рубашке, перелез через две стены, в полной темноте чуть не свалился в колодец, но все-таки догнал отряд. Капитан и солдаты с изумлением смотрели на меня: в белом балахоне с израненными в кровь ногами я, должно быть, походил на святого мученика. Господин Сен-Ло хотел сначала отправить меня обратно к опекуну, но потом усмехнулся: «Ладно, пусть это привидение пугает папистов!» – и посадил меня на лошадь у себя за спиной.

Буквально в одном лье от Сентонжа мы увидели роту папистов, и наш отряд сходу атаковал врага. В этом бою я добыл себе аркебузу и боеприпасы, но побрезговал взять хоть что-нибудь из одежды. Только когда наш отряд присоединился к армии принца Конде, мне выдали обмундирование, и я стал полноправным солдатом.

Зимний поход был очень тяжелым, мы вязли в грязи, мерзли в болотах, никогда не ели досыта и всегда недосыпали. А стычки, сражения и штурмы были столь ожесточенными, что я не раз вспоминал Псалом царя Давида: «Неукротимый человек укрощен будет страданиями...» Мою храбрость заметил сам принц Конде и послал ко мне своего придворного с предложением служить в свите. Я посчитал такое предложение оскорбительным в самый разгар войны, да и посланец держал себя так заносчиво, что я ответил: «Занимайтесь лучше своим делом – содержанием псов и лошадей принца!»

Вскоре погиб славный принц Конде, нашу армию возглавил адмирал Гаспар де Колины. В сражениях участвовал и Генрих Наваррский, будущий король Франции. Именно тогда мне впервые поручили командование отрядом из двадцати аркебузиром. С этими молодцами в бою при Жонзаке мне удалось опрокинуть две роты итальянцев-наемников. В дальнейшем я командовал первой ротой конных аркебузиром, и не раз выручал весь наш полк.

После взятия города Понса вновь был заключен мир. Но незалеченные раны и жесточайшие приступы лихорадки свалили меня. Я был оставлен на излечение в замке Тальси. Здесь меня настигла, как гроза, первая любовь. У хозяйки замка шеваляе Сальвиати была красавица-дочь Диана. Я вынужден был таить свое чувство – для вельможного рода Сальвиати я, простой дворянин, был все равно что мужлан, пахнущий лошадиным потом и дымом бивуачных костров. Но, главное, мы были разных вероисповеданий. Итак, уста мои были немые, но сердце не могло молчать, и я сочинил цикл сонетов «Жертвоприношение Диане». Оказалось, что Диана – племянница Кассандры Сальвиати, которую воспел в своих сонетах наш кумир – поэт Ронсар. В книге «Любовь к Кассандре» король поэтов, глава Плеяды, писал:

*Любя, клян, дерзаю, но не смею,
Из пламени преображаюсь в лед,
Бегу назад, едва пройдя вперед,
И наслаждаюсь мукою моею.*

Ронсар упивался своей любовной мукой, но находил в ней удовольствие. Моя боль неразделенной любви была сродни

▶ кровотокающей ране. Вот что я чувствовал тогда:

*Врагами окружен со всех сторон,
Я взоры закалил пролитой кровью;
Держу пицаль поближе к изголовью
И мига жду внезапных оборон...
Прости же мне, богиня, что любовный
Мой стих, неловкий часто и неровный,
Пороховым окурен весь огнем...*

Да, сам Ронсар хвалил мои сонеты, хотя ему непривычно было слышать в них не журчание ручейка, а скорее звон оружия... Я уехал из Тальси в Париж, надеясь на быстрое возвышение, которое уравнило бы меня в знатности с родом Сальвиати...

Кровавая свадьба

– Королевский двор, весь Париж готовились к свадебным торжествам, – рассказывал д'Обинье. – Молодой король Наварры Генрих Бурбон женился на принцессе Маргарите Валуа, которую уже тогда многие называли «королева Марго». Правивший король Карл IX и королева-мать Екатерина Медичи заявляли, что брак короля-протестанта с принцессой-католичкой примирит враждующих. Был оглашен королевский ордонанс, запрещающий в дни торжеств любые стычки по религиозным причинам. Но я не верил в добрые намерения католиков, чувствовал, что мы в Париже как в западне.

Свадьба состоялась, однако... Я видел змеинные ухмылки семейства Гизов – предводителей фанатиков-папистов. На улицах и даже в самом дворце нас, гугенотов, оскорбляли, намеренно втягивали в драку. Однажды на улице я не стерпел и вызвал обидчика на дуэль. Едва мы обнажили шпаги, как появилась стража. Обороняясь, я ранил черноту, и мне пришлось бежать из Парижа. Бог снова спас меня.

Это было в канун Дня святого Варфоломея. В полночь грянул колокол, и вооруженные католики набросились на беззащитных гугенотов. Их убивали на улицах, в их домах, в самом дворце. Трупы сбрасывали в Сену, и вскоре река стала кровавой. Был убит наш полководец адмирал де Колиньи. Генрих Наваррский уцелел только благодаря заступничеству молодой жены.

Такая же резня началась и вокруг Парижа – города Тур, Амбуаз, Божанси, Блуа, Орлеан были разграблены, две тысячи гугенотов убиты. Мне удалось собрать отряд из восьмидесяти человек, мы двинулись к Парижу без определенного плана. А навстречу нам шли опьяненные кровью убийцы. В бою мы брались за руки, чтобы каждый видел доблесть или трусость товарища. Так мы выступили против шестисот папистов и спасли город Мер от уничтожения.

Впечатления этих дней, рассказы уцелевших очевидцев уже тогда складывались в стихи, но я их не записывал, носил в сердце и в памяти.

*Нет, это не война.
Там грудь броней прикрыта,
Там сталь поверх одежд –
надежная защита,
Здесь отбиваются лишь криком
да рукой,
Один вооружен, но обнажен другой...
В темницах, во дворцах,
в особняках вельмож,
Везде идет резня, гуляет меч и нож...*

Когда я пробрался в Париж, картины кровавого пиршества еще сотрясали душу – трупы не убраны, кровь не смыта. Даже Сена еще не унесла своих мертвецов – они скопились под опорами мостов. Я видел два тела, сплетенных в смертельном объятии.

*Обмотана коса вокруг скобы в устье
Злосчастного моста.
И странной красотой
Застывший бледный труп мерцает
под водой...
Она ждала к себе возлюбленное
тело,
К супружеской груди она прильнуть
хотела...
И вот он сброшен вниз,
где мертвая супруга,*

*Качаясь на волнах,
ждала на помощь друга...
А королева-мать
со всей своей оравой
Отправились глядеть
плоды резни кровавой.*

– Я направился в Ла-Рошель, – продолжал д'Обинье, – это был главный оплот протестантских сил. Около одной деревенской гостиницы меня узнал офицер-католик. Он направил на меня своего арабского скакуна и сбил с ног, но я вскочил и нанес удар шпагой под кирасу. Мой противник упал с коня, мы продолжили драться на земле, я победил, но получил две глубокие раны. Приглашенный лекарь нашел их опасными. Несмотря на его запрет, я приказал отнести себя в замок Тальси, чтобы умереть у ног любимой. Но... моя горячность не растопила холодность Дианы, а ее родные решительно отказали мне даже в надежде... На прощанье я получил от любимой прядь ее чудесных темных волос. Я приказал сплести из них браслет и всегда носил его на правой руке.

– Почему именно на правой? – спросила Мария.

– Потому что в правой руке я держал шпагу. Моя шпага всегда охраняла этот дорогой для меня амулет.

В клетке Павлина

– В это время Генрих Наваррский был в Лувре пленником или, точнее, заложником, – рассказывал д'Обинье. – Ему посоветовали привлечь меня в свиту. «Я слышал о его славном отце, а каков сын?» – спросил Генрих. «Это человек, который ничего не боится», – сказали ему. Так я получил придворную должность оруженосца. Мы с Генрихом были сверстниками, и некоторое время нас связывала настоящая дружба. От Генриха Наваррского добились возвращения в католическую веру, но это была вынужденная уступка. Генрих часто давал мне секретные и опасные поручения, фактически я был связным между ним и гугенотами страны. Королева-мать содержала до тридцати шпионов и кое-что знала о моей тайной миссии; однажды, встретив меня во дворце, она прошипела: «Вы похожи на своего отца!» Я ответил с учтивым поклоном: «И слава богу, если это так!»

Меня не любили при дворе. Я был слишком прямоумен, тверд в своих убеждениях и не скупился на резкие оценки. Однажды три фрейлины королевы – им вместе было лет полтора – стали посмеиваться надо мной, намекая, что таким простофилям не место в Лувре. «Что это вы здесь созерцаете?» – прогнусавила одна из них. Я так же гнусаво ей ответил: «Древности двора, сударыня!»

...Тут девочки засмеялись и захлопали в ладоши. Отец шуточно погрозил им пальцем:

– Смотрите, никогда так не говорите дамам в возрасте! – и продолжал: – Такому, как я, трудно ужиться при дворе. Царедворцу надобно иметь гибкую спину, уметь угождать господину, любить красоваться. Я в те поры набросал такой сонет о придворной жизни:

*Едва Павлин свое распустил
оперенье,
Сверкающим хвостом любуйся,
птичий двор!*

Король Франции Генрих IV Бурбон и две его жены (на первом плане): первая – Маргарита Французская Валуа (королева Марго) и вторая – Мария Медичи

Во время Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 года в Париже католики убили несколько тысяч гугенотов

*Придворный Кавалер, ферт, щеголь
и позер,
От самого себя в великом
восхищеньи.
А за душой пустяк!
Дойдет ли до сраженья,
Где храбрость их, где пыл,
где ратный их задор?
От первого ж врага
сбегут во весь опор,
Не ведая стыда, забывши униженья.*

врачи считали, что дни мои сочтены. Ко мне пришел местный судья, чтобы составить завещание. «Запаситесь чернилами и пишите», – сказал я ему. И начал диктовать главы «Трагических поэм»:

*Лик скорбной Франции
изобразить мне надо:
В объятьях матери
свирепо бьются чада...*

Но Господь и на этот раз пощадил меня. Я вернулся ко двору Генриха Наваррского, как с того света, и был принят холодно, как покойник. В конце концов я стал просить об отставке. В письме королю я напомнил, «что рука, которая вам это пишет, открыла засовы вашей тюрьмы и, служа вам, осталась свободной от благодетелей...»

В тот же день я увидел старую бродячую собаку и узнал недавнюю любимицу короля, она часто лежала у наших ног. Теперь ее выгнали вон, и она подыхала от голода. Я велел ее накормить, вымыть и расчесать, а назавтра подвести ее к королю. К ошейнику я привязал наскоро сочиненный сонет. Генрих с удивлением развернул послание и, конечно, узнал мою руку.

*Сир! Этот верный пес,
который с вами встарь
В покоех ваших спал,
на королевском ложе,
Спит нынче на камнях.
Однако кто мог строже
Чутьем распознавать,
где друг и где бунтарь?
...Придворные!
Зачем вы гоните сурово
Пса изнеможенного без пищи
и без крова?
Такая благодарность ждет
за службу вас.*

Мне говорили, что, прочитав эти стихи, Генрих изменился в лице. Он сказал, что все еще считает меня своим верным под-

данным, что он прикажет вернуть меня... Но я был уже далеко. Я намеревался продать свое имущество и снова взяться за оружие.

Честь и благородство

Проезжая город Сен-Желе, я увидел в окне девушку, чья красота поразила меня. Это была Сюзанна де Лезе, моя будущая жена и ваша мать, дети. Мы так любили друг друга, и наши сердца зачастую обходились без слов. Когда мне случилось вспомнить Диану Сальвиати, Сюзанна тотчас догадывалась об этом и страдала. Я даже написал об этом сонет:

Сюзанна слышала:
вздыхал я по Диане,
И вдруг заплакала, но тщетно:
рядом с ней
Мои стенания звучали все сильней...

Немного времени мы проводили вместе. Мой долг звал меня то на войну, то к моему королю. Я командовал бригадой конницы, моих всадников прозвали «албанцами» – они почти не покидали седла, а в бою были настоящими дьяволами.

В 1580 году Генрих Наваррский снова призвал меня к себе и встретил почти по-родственному. Вскоре я снова спас его. Один дворянин, испанский офицер-наемник Лоро попросил аудиенции у короля. Я как раз находился в его покоях. Лоро сказал, что хочет вручить королю некое важное послание, но вместо письма вдруг выхватил кинжал. Я мгновенно встал между ним и королем, перехватил руку убийцы и скрутил его.

Когда я вернулся ко двору, королева Марго была со мной подозрительно ласкова. Вероятно, она в это время приискивала нового фаворита. Я не только не поддался на ее чары, но и не скрывал своего отношения к ее легкомыслию. С тех пор Марго постоянно чинила мне козни, наговаривала на меня королю и наконец на колених умоляла удалить меня от двора. И Генрих уступил – о, что с нами делают женщины! Правда, мне он шепнул, что делает это для виду.

А я с легким сердцем снова отправился воевать. Причем, на этот раз я сражался не только на суше, но и на море – захватил остров Олерон, прикрывающий с моря подходы к Ла-Рошели. Меня назначили губернатором Олерона, но недолго я там правил. Мне пришлось отправить свой отряд на подмогу нашим в Сенту, а в это время католики под командованием шевалье Сен-Люка высадились на Олерон. Я оказался в плену, Сен-Люк лично отвез меня в тюрьму города Бруажа. Этот благородный дворянин относился ко мне с глубоким уважением. Я обратился к нему с просьбой отпустить меня на несколько дней в Ла-Рошель; я поклялся, что вернусь в тюрьму в воскресенье к пяти часам вечера. Моего слова Сен-Люку было довольно, и меня отпустили. И вот в воскресенье утром в Ла-Рошель прибыл нарочный от Сен-Люка с известием: из Парижа прибыл отряд королевских войск с приказом доставить меня к королю, дабы предать смерти. Что было делать?

– Не возвращаться в тюрьму! – воскликнул Констан.

– И нарушить слово чести? И подвести под суд благородного Сен-Люка? – д'Обинье покачал головой. – Нет, я не мог так поступить. Друзья в Ла-Рошели буквально повисли на мне, но я вырвался и вернулся в тюрьму.

Вы были тогда совсем еще крошками и наверняка остались бы сиротами, но милосердный Бог сотворил чудо: как раз в это время наши войска захватили королевского наместника, состоялся обмен пленниками, и я вернулся к своим.

По преданию во время резни гугенотов королева Марго спасла Генриха Наваррского в своей спальне

Этот случай заставил меня о многом задуматься. Такие люди, как Сен-Люк, тоже идут на смерть за веру! А если я и мои единоверцы заблуждаемся? Я обложился книгами и шесть месяцев изучал спорные вопросы, расхождения между католиками и кальвинистами, аргументы богословов с той и с другой стороны. Шесть месяцев я не поднимал головы от книг – и только утвердился в своей вере. С тех пор не было в нашей партии более опытного и знающего полемиста, чем я.

Исполненный долг

– Как же Генрих Наваррский стал королем Франции? – спросила Луиза.

– А вот как, слушайте. Первого августа 1589 года фанатик-католик смертельно ранил последнего короля из династии Валуа. Умирающий призвал к себе Генриха Наваррского, чтобы признать его наследником престола, первым королем из династии Бурбонов. В эту опасную поездку Генрих Наваррский взял меня с собой. Отправляясь во дворец, мы, наученные горьким опытом, надели под камзолы кольчуги и панцири. Начались переговоры о признании нового короля, католики требовали от Генриха отречения и покаяния. Генрих Наваррский запирали меня в одной из комнат дворца, чтобы я своим упрямством не мешал ему.

Католическая знать объединилась в Католическую лигу, не признававшую нового короля Генриха IV и наших прав на свободу вероисповедания. В руках лиги оказался Париж и многие города. Война вспыхнула с новой силой. Надо сказать, Генрих IV сражался храбро и часто сам водил войска в атаку. В битве при Иври он укрепил белый султан на шлеме, чтобы все его видели издали. Когда же его солдаты начали отступать, он закричал: «Если вы не хотите сражаться, посмотрите хотя бы, как я буду умирать!» Пристыженные этими словами, отступавшие бросились на врага и победили.

Однако Генрих все чаще задумывался об окончательном переходе в католиче-

ство. Многие вельможи подбивали его на этот шаг. Большое влияние на короля оказывала его любовница Габриэль д'Эстре, убежденная католичка. Наконец, Генрих принял роковое решение и отрекся от своей веры. «Париж стоит мессы», – сказал он. И после этого был признан всеми как полноправный монарх.

Я считал своим долгом остановить Генриха. В те дни я носил траур по моей дорогой супруге и вашей матери. В таком душевном смятении я встретился с королем. Он начал говорить о своих былых заслугах и перенесенных лишениях. Он показал мне шрам на губе – след от недавнего покушения. Я сказал: «Государь, пока вы отреклись от Бога только губами, и он поразил ваши уста, но когда вы отречетесь от него в сердце своем, он пронзит вам и сердце!»

Мои слова остались втуне. Но не зря мне приписывают пророческий дар: вот увидите, король Генрих IV погибнет, пораженный в грудь!

Я участвовал во многих собраниях гугенотов, и к моему голосу всегда прислушивались. Меня стали называть «совестью партии», единоверцы поручили мне совместно с католиками работать над законом о веротерпимости. Он рождался в муках и ожесточенных спорах. Я не скрывал, что хотел добиться для гугенотов «государства в государстве». Это мое крылатое выражение затем часто употребляли, как друзья, так и враги. В конце концов в 1598 году был принят Нантский эдикт, гарантировавший гугенотам свободу вероисповедания и безопасность, хотя и временно и со многими ограничениями. Но это был первый закон о религиозной терпимости.

После этого я счел свой долг солдата и христианина исполненным и удалился сюда, в Майеэ, чтобы посвятить себя воспитанию детей и написанию книг...

...Д'Обинье расцеловал детей и велел няньке уложить их спать. А сам поднялся в свой кабинет, взял чистый лист и написал вверху заглавие: «Жизнь, рассказанная его детям».

На покое

Он недолго вел спокойную жизнь писателя и отца семейства. Участвовал в религиозных съездах и диспутах, бывал при дворе и давал советы королю, защищал города и крепости гугенотов.

В 1610 году сбылось пророчество д'Обинье: король Генрих IV был заколот кинжалом. В это время д'Обинье лежал больным в постели, ему сообщили, что король смертельно ранен в горло. Д'Обинье возразил: «Не в горло, а в сердце». И действительно, убийца нанес смертельный удар в грудь.

Стареющий отец выдал замуж обеих дочерей и был согрет их семейным счастьем. Но вот сын Констан причинял ему много страданий – раб низменных страстей, он был готов ради честолюбия, денег и удовольствий предать и отца, и веру.

В 1616 году увидели свет «Трагические поэмы» Агриппы д'Обинье. Уже в следующем году он начал писать сатирический роман о придворной жизни «Приключения барона де Фенеста». В 1618 году появился первый том «Всеобщей истории», в которой д'Обинье подробно описал жестокое противостояние католической и протестантской церкви.

Непримиримость д'Обинье, бескомпромиссность его книг привели к тому, что высокопоставленные недоброжелатели лишили д'Обинье королевской пенсии. А в 1620 году его «Всемирная история» была сожжена на Гревской площади Парижа. Впоследствии и молодой король Людовик XIII опасался старого упрямца. И не напрасно: д'Обинье принял участие в заговоре против королевского фаворита де Люиня. Старому бунтарю пришлось бежать в Женеву.

Там его встретили триумфально как героя протестантского сопротивления. Здесь он издал все свои прежние произведения, написал и публиковал новые. В начале 1620-х годов он продолжил писать «Жизнь, рассказанную его детям» и окончил рукопись перед самой смертью.

Гугеноты во Франции не без оснований опасались за свою безопасность, часто звали д'Обинье командовать их отрядами. Но он уже отказывался воевать, зато был непревзойденным организатором обороны, строителем укреплений. В 1622 году он так укрепил Ла-Рошель, что впоследствии вся французская армия не могла ее взять.

Во время нескончаемых войн д'Обинье часто вел переговоры и приобрел немалый дипломатический опыт. Поэтому гугенотские общины поручили ему организовать общеевропейскую коалицию протестантов. Этот проект так напугал Париж, что д'Обинье снова обвинили в заговоре против Франции. Друзья из Парижа предупреждали, что отдан секретный приказ об его устранении. У д'Обинье были основания опасаться подосланных убийц.

В 1623 году д'Обинье еще раз женился – на вдове Ренате Бурламаки из уважаемой семьи итальянских негоциантов. Перед свадьбой он, однако, решил честно рассказать невесте о своей репутации, об опасностях, которые его подстерегают. Рената выслушала его и ответила: «Я счастлива, сударь, участвовать с вами в борьбе за Бога и веру; что соединил Бог, не разъединит человек».

Вскоре XVII век окончательно вступил в свои права: уже прибыли в Париж герои нового времени – д'Артаньян и Сирано де Бержерак. Эпоха д'Обинье завершилась. И он умер 9 мая 1630 года на Ратушной улице Женевы, в доме, где прожил последние годы с женой Ренатой. На этом доме установлена мемориальная доска. Именем д'Обинье названа одна из улиц Парижа.

Он не заготовил себе эпитафии, но, пожалуй, строки из вступления к «Трагическим поэмам» могли бы ее заменить:

Пускай угаснуть мой черед,
Но ты живи, мое создание,
Когда родитель твой умрет.

Я не скрывал, что хотел добиться
для гугенотов «государства в государстве».
Это мое крылатое выражение затем часто
употребляли, как друзья, так и враги.

Кто вы, полковник

ГЕРОЯ СВОЕГО ЗНАМЕНИТОГО РОМАНА «ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ» ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ НАДЕЛИЛ ЧЕРТАМИ РЕАЛЬНО СУЩЕСТВОВАВШЕГО РАЗВЕДЧИКА И ДИВЕРСАНТА, УЧАСТВОВАВШЕГО В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ИСПАНИИ ПОД ПСЕВДОНИМОМ «ПОЛКОВНИК КСАНТИ». КЕМ ОН БЫЛ НА САМОМ ДЕЛЕ?

■ Сергей МАКЕЕВ

Публикация 2011 года

«По ком звонит колокол» – один из лучших романов Хемингуэя и, возможно, лучшая книга о гражданской войне в Испании. Военный корреспондент Хемингуэй задумал ее в осажденном фашистами Мадриде, под бомбами и артиллерийскими обстрелами. Правда, первыми появились его рассказы о той войне и пьеса «Пятая колонна». Публикация романа состоялась позднее, в 1940 году, когда другая, главная война столетия уже началась.

А тогда, в 1937 году, ему было непросто разобраться в том, что происходит в Испании. Сердцем он, конечно, был с республиканцами. Он видел страшное ожесточение с обеих сторон – не только на поле боя, но и в тылу. Республиканцы знали, что в плен к фалангистам (испанским фашистам) попадать нельзя, многие носили ампулы с ядом, оставляли последний патрон для себя. Но и республиканская госбезопасность действовала предельно жестко: «пятая колонна» была не пропагандистской фразой, а реальностью в стране, расколотой практически надвое. Но контрразведка республиканцев не щадила и вчерашних союзников – анархистов, троцкистов. Неизбежный закон поляризации сил в гражданской войне сработал и здесь: все левые силы сплотились вокруг Компартии, все правые – вокруг фашистов. Первые поддерживали Франция (в начале войны) и СССР, вторых – Италия и Германия. Точка возврата была пройдена.

Война и любовь сплелись тогда в судьбе Хемингуэя – он делил тяготы кочевой жизни с американской журналисткой Мартой Геллхорд, и это была любовь с привкусом смертельной опасности. В ту пору он дружил со многими журналистами и военными, но это была дружба с привкусом измены, потому что, случалось, друзья становились врагами...

В прошлом номере, в очерке о другом знаменитом писателе Джордже Оруэлле, я рассказал о его «испанском периоде». Будущий автор сатирической сказки «Скотный двор» и романа-антиутопии «1984» тоже воевал в Испании, причем, в отряде ПОУМ – марксистской партии троцкистского толка. Поумовцы резко критиковали сторонников Сталина и в конце гражданской войны оказались не только врагами франкистов, но и противниками республиканцев; их ошельмовали, объявив пособниками фашистов. Оруэллу пришлось бежать из Испании, за которую он проливал свою кровь, был опасно ранен в горло. Вскоре он писал в редакцию советского журнала «Интернациональная литература»: «...я должен сообщить Вам, что в Испании я служил в ПОУМ, которая, как Вы несомненно знаете, подверглась яростным нападкам со стороны Коммунистической партии и была недавно запрещена правительством; помимо того, скажу, что после того, что я видел, я более согласен с политикой ПОУМ, нежели с политикой Коммунистической партии».

Английский социалист Оруэлл сделал свой выбор. Американский республиканец Хемингуэй – свой. Он выразил его в романе «По ком звонит колокол»: «...На время войны он подчинил себя коммунистической дисциплине. Здесь, в Испании, коммунисты показали наилучшую дисциплину и самый здравый и разумный подход к ведению войны. Он признал их дисциплину на это время, потому что там, где дело касалось войны, это была единственная партия, чью программу и дисциплину он мог уважать».

У Хемингуэя были основания для такого взгляда на события. Он больше ездил, больше видел, встречался с разными людьми – от военачальников до простых крестьян в партизанских отрядах. Так пришло понимание того, что партизанско-анархистскими методами победить фалангистов невозможно.

Все это должно было стать «телом» романа – материалом, впечатлениями. Не было пока «души» – главного героя. Он должен привнести главную сюжетную линию, объединить и одухотворить разрозненные эпизоды, превратить их в книгу о войне и любви, верности и предательстве, героизме и трусости и, в конце концов, – о жизни и смерти. Писатель видел много славных парней – в штабах, на фронте, в интербригадах, в партизанских отрядах. Он писал о них – в корреспонденциях и в рассказах, в единственной своей пьесе «Пятая колонна». Но героя своей главной книги о войне в Испании он пока не нашел.

Интервью в отеле «Флорида»

Имя «полковник Ксанти» произносили в Мадриде шепотом, не везде и не всякому. Слухи о нем превращались в легенды. Никто не видел этого отважного македонца, но говорили, что внешне он похож на испанца или, скорее, на баска, только выше ростом и шире в плечах. Неразговорчив и нелюдим, но если уж улыбнется – все тридцать два белоснежных зуба наружу. Под его началом служили несколько отчаянных «геррильерос» – партизан. Маленький отряд на время исчезал из Мадрида, а потом приходили известия, что где-то в тылу у франкистов взлетели на воздух артиллерийские склады; в другом месте, прямо на аэродроме, взорвались немецкие бомбардировщики уже с бомбами на борту; там-то подорван железнодорожный мост, а там-то пущен под откос эшелон с германской и итальянской военной техникой. Потом геррильерос возвращались и словно растворялись в Мадриде. Испанцы говорили убежденно: пуля не берет нашего Ксанти! А сам таинственный разведчик сидел где-то в укромном месте над картами, что-то обдумывал, прикидывал, планировал новую операцию.

Хемингуэй много раз пытался найти полковника Ксанти, расспрашивал знакомых журналистов и военных. Однажды

корреспондент «Правды» Михаил Кольцов сказал:

– Хочешь взять интервью у Ксанти? Могу устроить.

И такая встреча вскоре состоялась в мадридском отеле «Флорида». Хемингуэй сразу попал под обаяние собеседника. Еще до начала беседы корреспондент спросил, не найдется ли у хозяина вина. В Испании Хемингуэй пристрастился к домашнему красному вину и только у себя в гостинице отдавал предпочтение абсенту.

Ксанти принес кувшин с вином и только один стакан.

– Я не пью. Это у нас семейное – отец тоже капли в рот не брал.

Но внешне лицо разведчика было непроницаемым, он ничем не выдал своего недовольства. Хемингуэй начал задавать вопросы, присутствовавший Кольцов переводил.

– Кто вы, откуда, как вас зовут на самом деле?

– Здесь почти все иностранцы носят псевдонимы. Для всех я – Ксанти, македонский торговец, приехал в Испанию из Турции. Поступил добровольцем в отряд под командованием Дуррути, воевал под Барселоной и Сарагосой. Вскоре стал советником командира, во главе «колонны Дуррути» шел на помощь осажденному Мадриду...

– Как вы оцениваете боеспособность анархистских отрядов? Центральное командование может на них положиться?

Ксанти медлил с ответом. Он не хотел бросить тень на боевых товарищей и настоящего революционера Буэнавентуру Дуррути. Может быть, он вспоминал первую встречу с вождем. Дуррути тогда сказал: «Ты единственный коммунист в моем отряде. Посмотрим, на что ты годишься. Будешь со мной неотлучно». Ксанти попросил: «На войне бывает свободное время. Разрешите мне отлучиться». Командир удивился: «Зачем?» Разведчик объяснил: «Хочу научить твоих бойцов стрелять из пулемета. Они плохие пулеметчики. Надо создать пулеметные взводы». Дуррути долго и внимательно смотрел на Ксанти. Наконец сказал: «Тогда обучи и меня».

С этой встречи они стали друзьями. Когда вождь анархистов погиб, на его похороны вышли сотни тысяч испанцев. Поэтому Ксанти молчал, и тогда за него ответил Кольцов в обычной своей ироничной манере:

– Все анархисты – революционеры-романтики. Время показало, что они больше любят болтать о революции и маршировать на парадах, чем воевать.

Хемингуэй перечислил несколько подвигов, которые приписывали Ксанти, и спросил, правда ли это?

– Кое-что правда. Теперь я редко хожу на задания. Зато могу тщательнее разрабатывать план операции. Готовлю разведчиков и диверсантов – такие специалисты нужны на всех фронтах.

– А правда, что пуля не берет Ксанти?

– К сожалению, берет: я был и ранен, и контужен. Это выдумка родилась, на-

Хаджи-Умар Мансуров, прототип героя романа «По ком звонит колокол»

верное, оттого, что я сразу возвращался в строй.

– Как называется теперь ваша должность?

– Советник по разведке и диверсиям 14-го корпуса.

Беседа продолжалась несколько часов, Хемингуэй все допытывался деталей, хотел знать, как происходит закладка взрывчатки, как осуществляется сам подрыв.

– Это на словах не расскажешь и на пальцах не покажешь, – впервые улыбнулся Ксанти. – В нашем деле много составляющих... Это надо видеть, пощупать.

И он сделал несколько быстрых движений своими сильными пальцами, словно скручивал концы проводов, а затем поворачивал рукоятку магнето.

– Так покажите мне. Пустите меня туда, где этому учат, – попросил Хемингуэй.

Ксанти обещал посоветоваться с командованием, хотя решающее слово было за ним.

Когда американец ушел, Ксанти сказал: – Он мне не нравится.

– Нам нужно, чтобы он написал правду о нашей борьбе, – объяснил Кольцов. – Эрнест отличный парень, смелый и честный журналист. Покажи ему ваш лагерь. Твои ребята за ним присмотрят.

Ксанти согласился.

В марте 1937 года Хемингуэй был допущен в учебно-тренировочный лагерь, своими глазами видел, как готовят диверсантов.

– А можно и мне на задание? – спросил он инструктора.

– Если Ксанти разрешит, – ответил тот.

Ксанти согласился и на этот раз.

– Только пить ему не давайте, – предупредил он Пеппе, командира боевой группы, отправлявшейся в тыл к фашистам.

Десять геррильерос и Хемингуэй перешли линию фронта. Все, кроме журналиста, несли по двадцать килограммов взрывчатки. Несмотря на облегченный рюкзак, журналист едва поспевал за остальными. Цепочку замыкал боец, знавший немного по-английски.

– Почему ты пошел в диверсанты? – спросил его Эрнест.

Тот усмехнулся.

– Дурная кровь, наверное. Мой отец – Борис Савинков, знаменитый русский террорист...

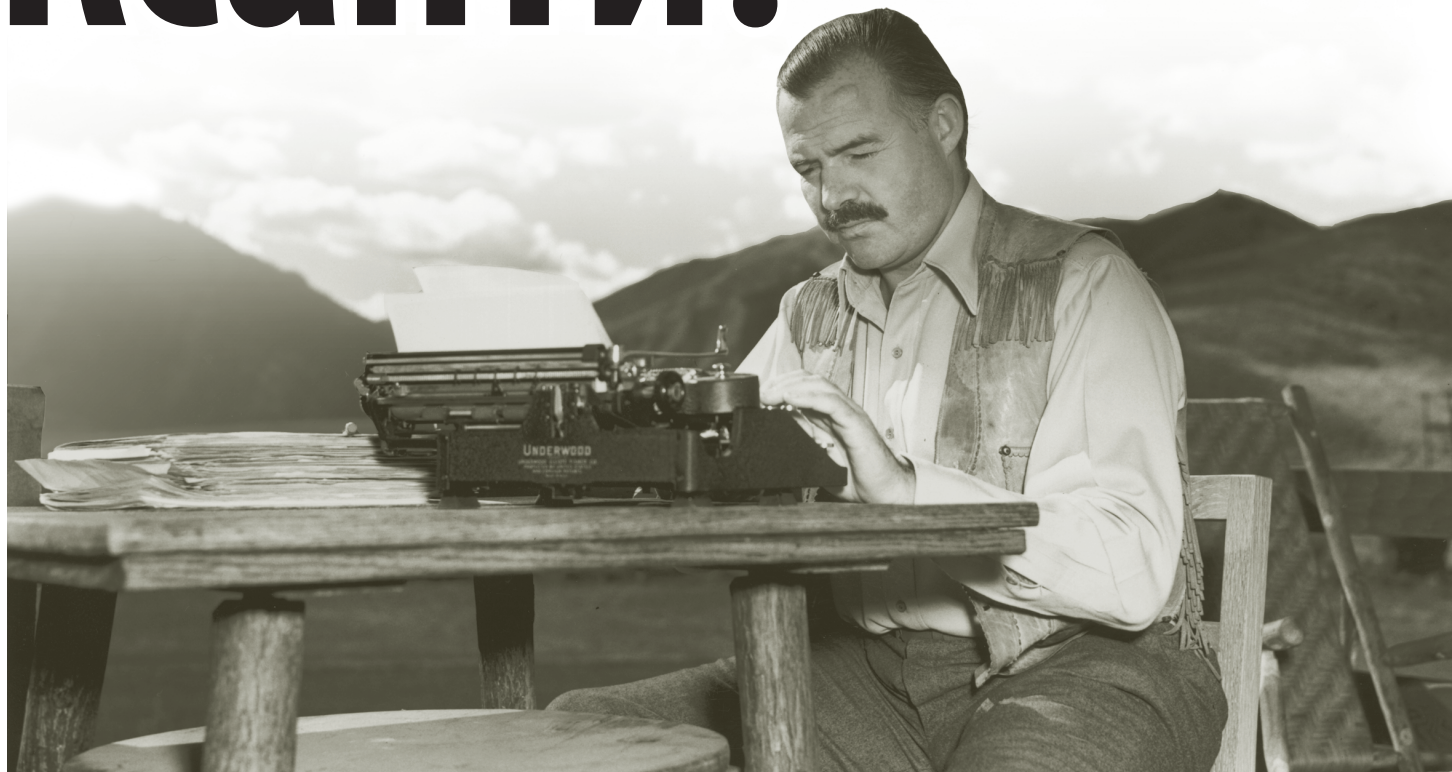
Каких только людей не встречал Хемингуэй в Испании! На стороне республиканцев сражалось много советских бойцов и советников. По другую сторону тоже воевали русские – из белой эмиграции. Отчаянно дрались и те, и эти...

Гарри Купер и Ингрид Бергман в одноименном фильме

Ксанти?

Хемингуэй не любил этот снимок 1939 года. «Я так не работаю», – говорил он

Операция прошла успешно, вражеский поезд с боеприпасами был взорван. Хемингуэй сделал несколько фотоснимков. Журналист зарекомендовал себя отлично, и Ксанти разрешил ему принять участие еще в одной операции – подрыве стратегического моста в горах Гвадарамы. Именно этот эпизод больше всего запомнился Хемингуэю, он стал основной сюжетной линией будущего романа. А главным героем, конечно же, будет разведчик и диверсант, такой, как полковник Ксанти. Но он будет американцем, решил Хемингуэй. Его герой – Роберт Джордан – начал приобретать реальные черты.

На всех фронтах

Разведчик не лжет без надобности. Он просто не говорит всей правды. Человек, которого все называли Ксанти, действительно приехал в Испанию из Турции. Он действительно начинал воевать в отряде анархистов под командованием Дуррути, вскоре стал его советником. Затем Ксанти возглавил разведывательно-диверсионную группу при центральном командовании республиканской армии.

Хемингуэй так никогда и не узнал, что полковник Ксанти – это советский разведчик, осетин по национальности, майор Хаджи-Умар Мамсуров.

Хаджи-Умар родился в 1903 году в простой крестьянской семье. Убеждения мальчика сложились под влиянием дяди – большевика Саханджери Мамсурова. В 1918 году пятнадцатилетний Хаджи-Умар уже воевал в Красной Армии. С 1919 года был связным и разведчиком партизанских отрядов. После установления советской власти на Кавказе учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока, окончил Военно-политическую школу, в тридцатые годы поступил в Военно-политическую академию им. Толмачёва. Он много читал, любил историческую литературу, зарубежную классику. Ценил живопись и архитектуру, разбирался в археологии. Русский язык знал в совершенстве, свободно говорил на нескольких языках народов Кавказа. Впоследствии быстро овладел испанским.

С 1936 года Мамсуров работал в военной разведке. А потом была Испания. После поражения республиканцев наши советники, бойцы и офицеры вернулись на родину. Мамсуров получил досрочно звание полковника, был награжден орденом Ленина и Красного Знамени. Вернулся и военный советник, разведчик Артур Спрогис – тот самый инструктор учебно-тренировочного лагеря диверсантов. Приехал в СССР и Пепе, командир группы геррильерос, а на самом деле польский коммунист Антоний Хруст. Приехал на

свою беду – он сгинул в сталинских лагерях. Репрессия не обошла и семью Мамсурова – был арестован и расстрелян как троцкист его знаменитый дядя.

Во время Советско-финской войны 1939–1940 годов Мамсуров командовал особой лыжной бригадой 9-й армии. Он умело использовал методы противников-финнов: его бойцы-лыжники совершали стремительные рейды по вражеским тылам, выполняли разведывательные задания.

Между двумя войнами Мамсуров руководил отделом «А» Разведывательного управления (активная разведка), одновременно учился на курсах усовершенствования комсостава Военной академии им. Фрунзе.

Во время Великой Отечественной войны Мамсуров выполнял особо важные задания на самых опасных участках фронтов, организовывал и координировал партизанское движение, командовал дивизиями и корпусами. Опыт разведчика помогал ему. При этом его штаб часто располагался в зоне ружейно-пулеметного обстрела; случалось, он сам вел своих солдат в атаку. Пули и осколки не щадили командира – Мамсуров получил пять ранений, после которых всегда быстро возвращался на фронт. Он был

награжден множеством орденов и медалей, удостоен звания Героя Советского Союза. На параде Победы генерал-лейтенант Мамсуров командовал батальоном сводного полка 1-го Украинского фронта.

После войны Хаджи-Умар Мамсуров окончил Высшую военную академию им. Ворошилова, служил на командных должностях, а в 1957 году вернулся в разведку на должность первого заместителя начальника ГРУ Генштаба. Он был в числе создателей спецназа ГРУ.

Мамсуров скончался в 1968 году и похоронен на Новодевичьем кладбище.

Бессрочный договор

Прототип литературного героя ненадолго пережил автора. Мамсуров, конечно, читал «По ком звонит колокол», но вряд ли полностью отождествил себя с Робертом Джорданом. Зато Испанию тех лет словно увидел снова.

Советские люди знали о гражданской войне в Испании то, что им позволяли узнать. Даже Михаил Кольцов и Илья Эренбург – очевидцы тех событий – могли рассказать лишь часть правды.

Советские идеологи не без колебаний разрешили публикацию романа. Он не укладывался в разрешенную схему: хо-

рошие «красные» – плохие «белые». Но и запретить книгу о героях-республиканцах, к тому же такого заслуженного и знаменитого автора, было бы просто неприлично.

Многие страницы романа Хемингуэя ошеломили советского читателя. Вот рассказ о том, как франкисты истязают в застенках героиню романа, возлюбленную Роберта – Марию. Рассказ с другой стороны баррикад: республиканцы в маленьком городке расправляются с фашистами и их сторонниками – их забивают цепями для молотбы, даже молящегося священника.

Неудивительно, что товарищ Роберта – подрывник Кашкин застрелился, оказавшись в окружении: «Он был ранен и не захотел сдаваться в плен», – объясняет Джордан партизанам. Главный герой давно сделал свой выбор, но горькие раздумья не покидают его. Он спрашивает советского журналиста Каркова о репрессиях в СССР. Корреспондент разражается целой тирадой:

«– Мы против индивидуального террора, – улыбнулся Карков. – Конечно, мы против деятельности преступных и террористических организаций. Ненависть и отвращение вызывает у нас двурушничество таких, как Зиновьев, Каменев, Рыков и их приспешники. Мы презираем и ненавидим этих людей... Но все-таки можно считать, что метод политических убийств применяется довольно широко... мы казним и уничтожаем выродков, накупив человечества. Их мы ликвидируем. Но не убиваем. Вы понимаете разницу?»

– Понимаю, – сказал Роберт Джордан».

Он солгал. Он этого не понимал, а вернее, не принимал. Потому что на самом деле разницы между убийством и ликвидацией нет. И прототип журналиста Каркова – Михаил Ефимович Кольцов – скоро сам убедился в этом: его арестовали уже в конце 1938 года и расстреляли по вздорному обвинению в шпионаже в 1940-м, в год выхода романа «По ком звонит колокол».

Внутренний драматизм личности Роберта Джордана в том, что он вынужден мириться с жестокой несправедливостью «своих», потому что война – это не время для дискуссий и поисков правды.

Герой романа, отчасти списанный с советского разведчика, и погибает как-то очень по-советски: раненый, лишенный возможности отступить с партизанами, он остается прикрывать их отход ценой собственной жизни.

...Контрразведчик Филипп Ролингс из пьесы Хемингуэя «Пятая колонна» – своего рода предшественник Роберта Джордана – говорит в финале: «Впереди пятьдесят лет необъявленных войн. Я подписал договор на весь срок».

Колокол все звонит и звонит.

Испанский анархист Буэнавентура Дуррути во время гражданской войны в окрестностях города Сарагосы

■ Павел ЖУКОВ

Публикация 2015 года

Советский Союз дважды вторгся в Афганистан, и оба раза неудачно. Оба раза войска Красной Армии официально приглашали в соседнюю страну власти, и оба раза приходилось ее покидать, не достигнув цели. О последнем пребывании войск Советской Армии известно практически все, а вот о первой операции Красной Армии известно мало, так как она была засекречена. О том, как Советский Союз помогал вернуть трон королю Афганистана Аманулле, читайте в расследовании «Совершенно секретно».

28 февраля 1919 года эмиром Афганистана стал Аманулла-хан. Сразу после восшествия на престол он объявил о полной независимости своей страны. На такое заявление не могла не среагировать Великобритания: началась англо-афганская война. Продлилась она два года и завершилась признанием независимости Афганистана.

Так как эмир разделял взгляды младоафганцев, он начал проводить в стране многочисленные реформы, направленные на модернизацию и усиление центральной власти. Также правитель запретил многоженство и браки с несовершеннолетними. Аманулла-хан принял Конституцию, разрешил свободную куплю-продажу земли, а натуральный налог заменил на денежный. Вскоре Афганистан превратился в королевство, а Аманулла-хан стал первым королем этого государства. Мусульманское духовенство очень остро реагировало на все нововведения правителя. И вскоре в стране образовался мощный костяк оппозиции.

Модернизация, соответственно, привела к увеличению поборов с населения, что только усугубило ситуацию. Первыми недовольство высказали крестьяне, однако остальные слои общества их не поддержали. Но когда Аманулла-хан начал открывать школы для женщин и подписал указ, запрещающий носить традиционные афганские одежды, недовольными оказались все. Катализатором для начала восстания послужила фотография жены короля Сорайи Тарзи, на которой она была в европейском платье и без чадры. Пуштунские племена потребовали изгнания правящей четы.

Восстание и анархия

Изначально восстание охватило провинцию Лагман, где оно обрело своего лидера по имени Бача-и Сакао. Таджик по национальности, он родился в простой семье и получил имя от отца (Бача-и Сакао переводится как «сын водоноса»). В детстве за плохое поведение его выгнали из медресе, и Сакао остался неграмотным. Затем была служба в армии, но трудный характер юноши давал о себе знать. В конце концов Сакао стал промышлять бандитизмом.

Восстание в Афганистане он сумел обратить в свою пользу, объединив таджиков и гильзай. С этим войском Бача-и Сакао двинулся на Кабул.

Армия короля не смогла дать отпор мятежникам. Ситуацию усугубило и то, что на сторону повстанцев часто переходили целые полки, недовольные «европейскими» реформами Амануллы-хана.

В январе 1929 года король, понимая, что погасить восстание не получится, передал власть своему брату Инаятутле-хану, а сам сбежал. И уже 17-го числа этого же месяца Бача-и Сакао занял Кабул. Первым делом он сменил имя на Хабибулла, а затем упразднил звание короля, вернув традиционное «эмир».

В столице началась чистка по этническому и религиозному принципу. Пуштун, будучи ярыми суннитами, обрушили «кару Аллаха» на хазарейцев, которые принадлежали к шиитскому течению. В Кабуле начались поджоги и погромы школ и фабрик. Но особенно пострадали радиостанции и журналисты, которые, по мнению суннитов, пагубно влияли на разум истинных мусульман.

Очень быстро в Афганистане воцарилась анархия. Различный сброд сбивался в банды и терроризировал население «своей» территории. Соседние кишлаки начали войну друг с другом, вспомнив старые оби-

ды. Правление Хабибуллы, как утверждал афганский историк Мир Гулам Мухаммад Губар, стало настоящей трагедией и наказанием за грехи для всей страны.

Помощь извне

Сменой власти в Афганистане воспользовались тысячи узбеков, таджиков и туркмен, которые бежали из России во время становления советской власти. Во время правления Амануллы-хана любая попытка прорваться на историческую родину жестоко каралась, но при Хабибулле басмачи почувствовали свободу. Поэтому их отряды то и дело стали наведываться в кишлаки и аулы на территории СССР. Москву такое положение дел, конечно, беспокоило. Но предпринимать какие-либо шаги советское правительство не спешило.

Однако ситуация в корне изменилась, когда Аманулла-хан лично попросил о помощи. Он желал вернуть престол. Ему отказать не могли. Во-первых, именно он первым из всех мировых лидеров признал Советский Союз. Во-вторых, это был прекрасный повод для наведения порядка в приграничной территории и распространения своего влияния на соседнее государство. В-третьих, Хабибулла оказался ярким противником не только всего европейского, но и советского, а значит, по определению попадал в число врагов. В Среднеазиатском бюро ЦК ВКП(б) и вовсе считали, что Сакао – английская марионетка, которую возвели на престол с одной целью – вернуть утраченную Великобританией при Аманулле власть над Афганистаном. И решение было принято.

Вслед за свергнутым правителем в ЦК ВКП(б) с подобной просьбой обратился и генеральный консул Афганистана в Ташкенте Гулям-Наби-хан. Он попросил разрешения на формирование отряда на территории СССР из сторонников Амануллы (в большинстве своем это были беглые хазарейцы, которые жаждали отмщения. – *Прим. ред.*). По замыслу этот отряд должен был помочь основным силам, которые составляли красноармейцы, вторгнуться в Афганистан, провести зачистку от мятежников нескольких крупных городов, а затем вернуть Аманулле Кабул.

Руководство СССР инициативу Гуляма-Наби-хана поддержало и поручило заняться формированием отряда командующему Среднеазиатским военным округом Маркиану Яковлевичу Германовичу. Познакомившись с «новобранцами», Германович отпартовал начальству о слабой военной подготовке афганцев. Выяснилось, что стрелки из них хорошие, но вот с винтовками, которые стояли на вооружении СССР, они совершенно не знакомы. Порой дело доходило до абсурда. Некоторые хазарейцы, у которых не получалось передернуть затвор, чтобы перезарядить оружие, начинали бить по нему камнем.

Понимая, что с таким отрядом успехи операции выглядят очень туманно, к афганцам добавили опытных красноармейцев под началом Виталия Марковича Примакова. Проведя несколько учений, 10 апреля 1929 года Виталий Маркович доложил начальству, что его отряд полностью готов к выполнению операции.

15 апреля 1929 года превратилось для афганских пограничников в кошмар. В этот день со стороны советского Узбекистана в районе города Термез неожиданно появились аэропланы, вооруженные пулеметами, и направились на пограничный гарнизон Патта-Гисар. Пока афган-

Первая

КАК 101 ГОД НАЗАД КРАСНАЯ АРМИЯ ПОТЕРПЕЛА НЕУДАЧУ В АФГАНИСТАНЕ

Бача-и Сакао

цы удивленно рассматривали крылатые машины, те совершили боевой разворот и атаковали. Сначала в ход пошли пулеметы, затем началась бомбардировка. Несколько бомб попали в казарму, что привело к ее полному разрушению.

Вскоре от гарнизона остались лишь дымящиеся руины. Из 50 пограничников выжить удалось только двум. Они-то и отправились за помощью. Вся операция по уничтожению гарнизона заняла чуть больше десяти минут.

Пока шла бомбардировка гарнизона, отряд Примакова на моторных лодках, а также баржах и каюках благополучно форсировал Амударью. В его подчинении находились 2 тыс. красноармейцев и сторонников свергнутого правителя, сбежавших после смены власти на территорию советского Узбекистана. А еще батальон из 400 красноармейцев, вооруженных «Максимами» и горными трехдюймовками. Также в распоряжении Примакова было более 20 пулеметов и несколько пушек.

Вскоре к Патта-Гисару из соседней заставы Сия-Герт, находившейся на расстоянии около 20 верст, выдвинулась сотня всадников. Но пограничники сумели пройти лишь пять, после чего их встретил пулеметный огонь красноармейцев.

Когда с афганскими всадниками, прибывшими в Патта-Гисар, было покончено, Примаков повел своих солдат в глубь Афганистана. Вскоре к ним присоеди-

лись пять сотен хазарейцев, сохранивших верность Аманулле. Из них Примаков сформировал отдельный батальон.

Кстати, сам свергнутый король в это время собрал армию из 14 тыс. солдат и повел их для решающего удара на Кабул.

Джихад неверным

Уже через сутки отряд Примакова осадил Келиф. На предложение сдаться афганцы ответили отказом. Но стоило только применить пушки и пулеметы, как гарнизон вывесил белый флаг, а сами солдаты в панике разбежались. На следующий день без боя был взят Ханабад. Не дожидаясь красноармейцев, гарнизон просто покинул город.

Несмотря на успех, Примакову удалось сохранить секретность операции. В Афганистане считали, что в стране орудует армия, верная Аманулле, а про участие красноармейцев не знал даже советский генконсул, находящийся в Мазари-Шарифе.

Когда Примаков подошел к этому городу, а другая часть его отряда – к Мирха Касиму, губернатор потребовал у генконсула объяснений. Понятно, что тому ответить было нечего.

Советская армия, быстро разобравшись с защитниками с помощью пулеметов, подкатала к воротам пушки и дала залп. Город был захвачен в кратчайшее время практически без потерь. Афганцев

афганская...

же погибло около 3 тыс. Одна часть выживших укрылась в городе Ташкурган, другая – спряталась в ближайшем форпосте под названием Дейдади.

Кстати, во время штурма Мазари-Шарифа красноармейцы раскрыли себя, забыв, что им необходимо строить из себя афганцев, воюющих за возвращение Амануллы на престол. Вместо того чтобы молча идти на захват города, солдаты Красной Армии начали кричать исконно русское «Ура!». Да и вообще воины Примакова после захвата города не особо беспокоились о конспирации. Повсюду слышалась русская речь. А на аэропланах, совершавших разведывательные полеты, никто даже не удосужился закрасить красные звезды. Все это сильно беспокоило Примакова. Он понимал, что если кто-нибудь из иностранных агентов сумеет сфотографировать воздушные машины, то на серьезные претензии других государств ответить будет нечего.

Но, несмотря на промахи и оплошности, операция развивалась успешно. Правда, был один нюанс, который обещал перерасти в серьезную проблему. Перед походом Аманулла-хан и Гулям-Наби-хан заверяли, что как только Красная Армия попадет в Афганистан, то быстро станет обрастать тысячами солдат, верных сверженному правителю. В действительности все оказалось с точностью до наоборот. Исламское духовенство, а также ученые-исламисты и военные объявили джихад, направленный на вторгнущихся в их земли чужестранцев. Многочисленные толпы религиозных фанатиков, объединившиеся под зеленым знаменем пророка, посчитали своим долгом уничтожить неверных. Да и простое мирное население стало крайне враждебно относиться к чужестранцам.

На следующий день после того, как Примаков взял Мазари-Шариф, из близлежащей крепости Дейдади вышел отряд афганцев для освобождения главного города северной части страны. По пути к ним присоединились несколько племенных ополчений.

Несмотря на то что войско было плохо вооружено, пулеметный огонь их не остановил. С религиозными песнями и молитвами афганцы новыми и новыми волнами накатывали на стены города. Понимая, что бесконечно так продолжаться не может, Виталий Маркович запросил помощи. Город к тому времени уже оказался зажатым в плотное кольцо. Боеприпасы были на исходе, поэтому выкашивать афганцев пулеметным огнем не представлялось возможным.

Телеграмму Примакова получили в Ташкенте. Руководство Среднеазиатского военного округа быстро приняло решение. На выручку красноармейцам был отправлен пулеметный эскадрон. Но, пройдя лишь несколько километров по чужой земле, солдаты столкнулись с ожесточенным сопротивлением местного населения. Поэтому им пришлось вернуться на другой, родной берег Амударьи.

Тогда со стороны Советского Союза на помощь осажденным отправились аэропланы. 26 апреля они доставили десяток пулеметов и пару сотен снарядов. Но хоть как-нибудь изменить ситуацию это не могло. К тому же афганцы перекопали арыки, тянущиеся с гор. И вскоре город остался без воды. Как только это произошло, поднял мятеж отряд хазарейцев.

Боевые действия

Виталий Примаков отправил еще одну телеграмму в Ташкент с просьбой о помощи. В ней он подробно описал все необходимое для успешного выполнения операции. Также Виталий Маркович упо-

Король Аманулла-хан

мянул, что в случае отказа ему придется прорываться с боем и идти на штурм Дейдади. Если это удастся, операцию можно будет считать успешной. А нет – остатки его армии превратятся в банду и будут самостоятельно искать возможность вернуться домой.

5 мая на территорию Афганистана вступил отряд из 400 красноармейцев, имевших в своем распоряжении шесть пушек и восемь пулеметов. На следующий день к Мазару подлетели аэропланы Среднеазиатского военного округа. Они совершили несколько боевых заходов на противника, сначала расстреливая афганцев из пулеметов, а потом скинув бомбы.

Вскоре подошел и отряд под началом Зелим-хана (*точно не установлено, кто взял себе такой псевдоним; вполне возможно, это был командир бригады Иван Ефимович Петров. – Прим. ред.*). Его воины были одеты в традиционные для афганцев костюмы, и потому армия осаждавших не сразу разобралась, что это подошли не свои, а красноармейцы.

Совместными усилиями советским войнам удалось не только прорвать блокаду города, но и загнать афганские отряды обратно в Дейдади.

8 мая крепость подверглась сначала бомбардировке с воздуха, а затем артиллерийскому обстрелу с земли. После этого гарнизон покинул город. Взяв двухдневную передышку, отряды Примакова и Зелим-хана направились на юг, где вскоре захватили Балх и Ташкурган.

Такое положение дел заставило Хабибуллу направить на уничтожение красноармейцев лучшие силы под командованием военного министра Сейида Гуссейна. Также поддержку ему должен был оказать отряд из 3 тыс. воинов под командованием Ибрагим-бека.

11 мая разведгруппа Зелим-хана обнаружила войско Ибрагима. По направлению их движения были расставлены восемь пушек. На фланги установили пулеметы. Подготовка прошла в кратчайшие сроки, и никто из афганцев даже не догадывался о засаде.

Как только Ибрагим-бек со своим отрядом приблизился на расстояние 500 метров, красноармейцы ударили из пушек.

Виталий Примаков

Причем снаряды шли по всей длине колонны. Затем в бой вступили пулеметы. Такого напора солдаты Ибрагима не выдержали и в панике разбежались.

А спустя всего полчаса был обнаружен и элитный отряд Гуссейна. Бой с ним длился два часа. Афганцы отчаянно сопротивлялись и отказывались сдаваться. Тогда Петров отправил к Сейиду Гуссейну трех пленных. Те рассказали о предыдущем бое, упомянув, что 2,5 тыс. афганцев погибли, а около 200 человек захвачены в плен. Это подействовало. Басмачи сложили оружие, но их командир сбежал.

Неожиданно Примакова вызвали в Москву, и 18 мая он покинул территорию боевых действий. Командовать объединенным отрядом стал Али Авзаль-хан (Александр Иванович Черепанов). Он и повел солдат на Кабул.

Но во время продвижения пришло сообщение о том, что новая армия Гуссейна захватила Ташкурган. Это привело к обрыву снабжения и возрастанию вероятности удара с тыла.

Приверженцы Амануллы-хана поддались панике и стали разбегаться. Поэтому Черепанову пришлось разворачивать свою армию и возвращать захваченный город.

Уже 25-го числа красноармейцы, проведя массированную артподготовку и бомбардировку, сумели прорваться в Ташкурган. Ожесточенные бои длились два дня. Три раза крепость переходила из рук в руки. Но все же Черепанову удалось одержать победу, хотя она и оказалась пирровой.

В том бою красноармейцы понесли существенные потери и израсходовали почти все боеприпасы. К тому же из-за сильного перегрева у большинства горных трехдюймовок оказались испорченными стволы. То же самое произошло и с «Максимами»: вода превращалась в пар еще до того, как успевала остудить пулеметы.

Бессмысленная операция

После захвата города армия красноармейцев превратилась в малочисленный, потрепанный отряд. Черепанову трудно было рассчитывать на успех с учетом того, что местное население крайне нега-

тивно реагировало на чужестранцев. Но главная беда поджидала впереди. Пока красноармейцы отдыхали, пришло сообщение о том, что Аманулла-хан до Кабула не добрался. В одной из битв с армией Хабибуллы свергнутый король потерпел поражение. Более того, вместе со своей женой Аманулла похитил государственную казну и золотой запас страны. После чего они сбежали в Индию, а затем осели в Италии.

В свете такого развития ситуации операция стала бессмысленной. 28 мая Черепанову поступила шифровка, в которой ему приказывали вернуться на советскую территорию. И он с остатками своего отряда покинул Афганистан.

В документах операция по возвращению трона Аманулле прошла как «Ликвидация бандитизма в Южном Туркестане». Ее подробности засекретили. Но, несмотря на это, несколько сотен участников боевых действий получили ордена Красного Знамени, остальным вручили памятные подарки.

Хотя операция и окончилась неудачей, в Среднеазиатском военном округе приняли решение не сдаваться и все-таки сместить проанглийского Бача-и Сакао. В штабе даже разработали несколько различных сценариев. По одному из них Аманулла все-таки должен был вернуть себе трон и править независимым государством. Другой вариант предусматривал образование на севере Афганистана марионеточной страны, которая со временем должна была стать частью Советского Союза.

Но ни один из сценариев воплотить в жизнь не удалось. Новый претендент на престол Мухаммед Надир-шах при поддержке пуштунских племен и английского вооружения 13 октября 1929 года сумел захватить Кабул. Хабибулла попытался скрыться, но его поймали и расстреляли. Сам же Надир-шах хоть и вел явно проанглийский курс развития страны, но о сотрудничестве с коммунистическим соседом не забывал. Поэтому правительство СССР отказалось от идеи вторжения в Афганистан.

■ Владимир АБАРИНОВ

Двадцать второго апреля 1945 года в концлагерь Равенсбрюк прибыл гауптштурмфюрер СС Франц Геринг с приказом освободить польских и французских евреев. Они должны были пешим порядком дойти до пункта, где их ждала автоколонна шведского Красного Креста. Комендант лагеря отказался подчиниться, ссылаясь на приказ шефа Имперского управления безопасности (РСНА) Кальтенбруннера о полной ликвидации заключенных. Тогда посланец снял телефонную трубку и потребовал соединить его с полицейскими казармами в Любеке. В эти дни там располагался штаб рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера – приказ исходил лично от него. Получив подтверждение, комендант спросил, что делать с Versuchskaninchen – «подопытными кроликами», то есть жертвами медицинских экспериментов. И получил ответ: отправить с той же партией. Общая численность избежавших ликвидации составила пятнадцать тысяч человек.

Освобождение заключенных Равенсбрюка было частью сделки, которую Гиммлер пытался заключить с западными союзниками при посредничестве президента шведского отделения Международного комитета Красного Креста графа Фольке Бернадотта, двоюродного брата короля Густава. «Они – моя самая надежная инвестиция», – сказал однажды рейхсфюрер о евреях.

Гиммлер намного раньше других главарей рейха осознал, что Германия может проиграть войну. Еще в августе 1942 года в житомирской штаб-квартире СС он согласился с предложением своего подчиненного, шефа внешней разведки Вальтера Шелленберга, начать переговоры о компромиссном мире на Западе при условии, что сам он не станет их заложником и в случае неудачи не будет выгораживать Шелленберга. Осенью того же года Гиммлер начал разматывать клубок антигитлеровского офицерского заговора и сразу установил, что зараза гнездится в абвере.

В марте 1944-го Гиммлер два дня кряду встречался со знаменитым астрологом Вильгельмом Вульфом, который предсказал, что жизнь Гитлера будет подвергнута опасности примерно 20 июля и что он умрет ранее 7 мая 1945-го, причем причиной смерти будет алкалоидное отравление.

Шелленберг впоследствии уверял, что рейхсфюрер «знал все» о заговоре. Во всяком случае, он знал о нем столько, сколько не знал ни один из заговорщиков в отдельности. В ходе повальных арестов после 20 июля 1944 года, когда в «Волчьем логове» взорвалась бомба Штауффенберга, не взяли никого лишнего, но взяли всех. Почему он не принял превентивные меры? Ответ до банальности прост. Гиммлер выжидал. Ему были нужны контакты заговорщиков с союзниками, и он был готов поставить крест на Гитлере.

Доклад из Красного дома

Ровно через три недели после неудачного покушения Штауффенберга, 10 августа 1944 года, столица Эльзаса, город Страсбург, подверглась единственной за всю войну бомбардировке. Страсбург был одним из безопаснейших мест в центре Европы. В его Hotel de la Maison Rouge, описанном еще Виктором Гюго и переименованном немцами в Rotes Haus, проводили досуг промышленники и банкиры, теноры и кинозвезды, венценосные особы, отставные и действующие политики нейтральных и оккупированных стран.

Наибольшим разрушениям подверглись улицы, прилегающие непосредственно к Красному дому, – исторический центр города, не имеющий никакого военного значения. Британская бомба сбила с пьедестала памятник генералу Жану-Батисту Клеберу на одноименной площади. Наутро по развалинам рыскали офицеры СС. У всех подъездов отеля были выставлены немецкие часовые, и никто не мог ни войти, ни выйти из отеля без допроса. По городу поползли слухи, что в Красном доме собиралась верхушка СС, а то и всего рейха.

МНОГИЕ ТАЙНЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ДО СИХ ПОР НЕ РАСКРЫТЫ. В ТОМ ЧИСЛЕ ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ: ЧТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ СЛУЧИЛОСЬ С ШЕФОМ СС ГЕНРИХОМ ГИММЛЕРОМ?

Слухи эти были недалеко от истины. 10 августа в Красном доме собрались воротилы немецкой промышленности – представители концернов Krupp, Rochling, Messerschmitt, Volkswagenwerk, Rheinmetall. На совещание их пригласил рейхсфюрер СС. Излишне говорить о том, что империю СС и немецких промышленников связывали тесные и взаимовыгодные отношения. От имени Гиммлера к собравшимся обратился обергруппенфюрер Шейд. В первых же фразах он заявил, что война, вне всякого сомнения, проиграна. Перед немецким частным бизнесом стоит неотложная задача – заложить экономический фундамент четвертого рейха. С этой целью правительство передаст промышленным компаниям значительные средства, чтобы они открыли свои предприятия за рубежом. Запрет на экспорт капитала, сказал Шейд, отныне отменяется. Новая национал-социалистская политика – экспортировать столько капитала, сколько возможно. Выслушав Шейда, участники совещания перешли к обсуждению практических деталей.

Союзники знали о конференции в Страсбурге и бомбили город в надежде, что среди его участников будут первые лица. Содержание совещания стало известно союзникам благодаря присутствовавшему на нем агенту, составившему донесение, известное в истории разведки как «Доклад из Красного дома». Знала о нем, хотя, возможно, и не в таких подробностях, и советская разведка. Гиммлер готовился к военному поражению Германии не по-дилетантски.

В начале 1945 года он впервые заговорил с Шелленбергом об отстранении Гитлера от власти. В ответ Шелленберг, зная фатальную нерешительность шефа, свел его с директором берлинской клиники «Шарите» профессором де Кринисом. Тот подтвердил Гиммлеру, что фюрер страдает быстро прогрессирующей болезнью Паркинсона. Подозрения, что Гиммлер готовил «заговор врачей» (версия Шелленберга), вряд ли основательны. Максимум, на что он решился, это организация встречи личных врачей Гитлера с Борманом, где они сообщили о своих опасениях. Как и следовало ожидать, беседа не возымела ни малейшего эффекта.

Тем временем Шелленберг действовал по своим каналам, и весьма успешно. Настолько успешно, что попал под подозрение гестапо. В Берлин для допросов в декабре 1944 года был вызван Карл-Хайнц Кремер, специальный представитель рейхсфюрера СС в Стокгольме.

На совещании руководителей РСХА шеф гестапо Йозеф Мюллер неожиданно спросил Шелленберга: «А вы тоже британский агент? У вас, должно быть, будут неприятности с этим вашим Кремером. Вам придется многое объяснить». Однако явных улик у Мюллера не было. Кремер отрицал все обвинения. Шелленберг вызволил его из узилища, дав личное поручительство.

Жозефина

Мюллер шел по ложному следу. Но интуиция его не обманула. Именно в Швеции свила гнездо измена. Одна из немногих нейтральных столиц Европы, Стокгольм в годы Второй мировой войны был центром дипломатической и разведывательной активности. Трудно даже перечислить все предпринятые здесь попытки мирных переговоров: эти переговоры в Стокгольме просто никогда не прекращались!

Одним из частых визитеров Стокгольма был Карл Герделер, бургомистр Лейпцига и один из заговорщиков 20 июля, схваченный еще до покушения. У него были прекрасные связи в шведском истеблишменте. Вместе с банкиром Маркусом Валленбергом он неоднократно встречался с британским посланником сэром Виктором Моллетом, выходцем из семьи банкиров, имевшей до войны тесные связи с немецкими финансистами. Среди тайных собеседников Моллета были и посланцы Гиммлера. Весной 1943 года Моллет впервые встретился с Шелленбергом.

Это свидание не осталось незамеченным для сотрудника Управления специальных операций (SOE – служба по организации саботажа и диверсий и связи с антинацистским подпольем в оккупированных странах, подчиненная непосредственно премьер-министру Соединенного Королевства) Питера Теннанта, работавшего в посольстве в должности пресс-атташе. В Лондон полетело донесение, ответом на которое было глухое молчание. Однако со стороны своего коллеги, сотрудника СС Питера Фолка, Теннант встретил полное понимание. Спустя полтора месяца глава резидентуры SOE в Стокгольме передал Теннанту конфиденциальное послание шефа конторы, самого сэра Чарльза Хамбро: festinalente (спешно медленно), что в данном случае означало «не бери в голову». Но Теннант к указанию высокого начальства не прислушался, несмотря даже на то, что Моллету стало известно о его

донесении, и последний постарался, насколько возможно, отравить Теннанту существование.

Перед Фолком, который приехал в Стокгольм в конце лета 1943 года, была поставлена конкретная задача. Ему предстояло взять под наблюдение Карла-Хайнца Кремера. Кремер появился в шведской столице годом раньше с женой и дочерью и жил на широкой ноге. Он называл себя специальным представителем Гиммлера и пользовался экстраординарными привилегиями.

Фолку удалось завербовать горничную Кремеров, которая жаловалась подруге на властный характер и вечные придирки фрау Кремер. Став агентом британской разведки, горничная вскоре выяснила, что наиболее важные документы ее хозяйки держит в ящике стола, который всегда заперт, а с ключом расстается лишь однажды в сутки, отправляясь принимать ванну. Омовения Кремера продолжались полчаса. Этого времени горничной вполне хватало, чтобы снять слепки с ключей посредством куска сливочного масла, сразу же после операции замороженного в морозилке. Вскоре горничная начала бесперебойно снабжать Фолка материалами из запертого ящика, которые после фотографирования аккуратно возвращались на прежнее место.

Содержание одного из первых же документов сразило Фолка наповал. Это была запись частных бесед Рузвельта и Черчилля на Квебекской конференции в августе 1943 года, текстуально точно передающая в том числе крепкие выражения британского премьера в адрес советского вождя, причем у Кремера стенограмма оказалась спустя считанные дни после события. На другом документе, составленном в Госдепартаменте США, имелись отметки, указывающие на то, что бумага была в обращении в британском Форин-офисе. В обоих случаях Кремер хранил в ящике своего стола не копии, а оригиналы, которые, судя по их содержанию, должны были быть уничтожены. Среди донесений Кремера имелись также ежемесячные детальные сводки о производстве английскими заводами военных самолетов.

Как явствовало из сопроводительных депеш Кремера, документы поступали от агента под кодовым именем Жозефина. После того как Фолк отправил с курьером в Лондон первую партию материалов, ему было приказано прибыть в Лондон для встречи с сотрудником МИ-5 Энтони Блантом. Встреча состоялась спустя два месяца, в декабре 1943 года, в одном из лондонских клубных ресторанов. Блант внимательно изучил новые документы, привезенные Фолком. Как вспоминал Фолк позднее, Блант уверял его, что многие обороты представляют собой явные германизмы, а потому и документы, всего вероятнее, поддельные. Но дело в том, что Фолк в августе 1941

года работал на конференции двух лидеров в Рейкьявике и видел там документы, оформленные точно так же, а кроме того, слышал те же самые выражения и заявил Бланту, что считает их американизмами. «Он казался обескураженным и в конце концов свернул со своей колеи», – пишет Фолк.

Под конец разговора Фолк выразил опасение, разделявшееся его коллегами в Стокгольме, для которых советская угроза была гораздо более явной, чем для Лондона: он считал, что документы такого уровня секретности ни при каких обстоятельствах не должны попасть в руки русских. Фолк был несказанно поражен, когда Блант ответил с не свойственной ему твердостью: «Я могу категорически заверить вас, что обмена такого рода информацией не существует. Единственное, что интересует русских, – это когда будет открыт второй фронт».

Блант стал агентом НКВД в начале 1937 года. И лишь в 1940-м – сотрудником британской разведки.

Тем временем в Стокгольм прибыл новый помощник британского военного атташе майор Эван Батлер. Именно этому человеку были поручены предметные переговоры с Шелленбергом. Батлер был обаятельным человеком, бегло говорил по-немецки и до войны несколько лет прожил в качестве журналиста в Германии, где чрезвычайно сблизился с Рейнхардом Гейдрихом. Его портили лишь тик лица и регулярные запои. Батлер не подчинялся главе стокингской резидентуры. Его лондонским куратором, которому он докладывал непосредственно, был Энтони Блант.

В феврале 1945 года Батлер запросился домой и, получив отказ, впал в депрессию. Однажды он, напившись до положения риз, рассказал Фолку о том, что переговоры, которые ведут Виктор Моллет с Шелленбергом, имеют целью обеспечить финансовые интересы заинтересованных компаний и банков, в том числе империи СС. Батлер сказал также и о своих собственных, отдельных переговорах с Шелленбергом: по его словам, грядет тайный массовый исход в Швецию нацистских военных преступников, включая Гиммлера.

Спустя три дня Фолк и Теннант, с которым тот поделился информацией, получили каждый от своего начальника строгое распоряжение не задавать Батлеру никаких вопросов. Впоследствии выяснилось, что предупреждение исходило от Бланта. Оба поняли, что стали невольными свидетелями игры, ставки в которой превосходят всякое воображение.

О том, кто скрывался под псевдонимом Жозефина, историки разведки спорят до сих пор. Представитель абвера в Стокгольме майор Фридрих Буш терзался завистью к успехам Кремера, его образу жизни, его девушкам и ресторанам. Глубокий знаток истории шпионажа времен Второй мировой войны Дэвид Кан пишет в своей книге «Шпионы Гитлера»: «Буш был уверен в том, что Кремер фальсифицирует большую часть своей информации и что некоторые должностные лица абвера покровительствуют ему, потому что он помогает им в их валютных операциях». Неясные подозрения в отношении Кремера имелись, как мы уже знаем, и у гестапо.

Шпионская биржа

Дипломатам и сотрудникам спецслужб, работавшим в шведской столице, было отлично известно, что резидент японской разведки в Стокгольме генерал Макото Онодера (согласно некоторым источникам, он возглавлял всю японскую шпионскую сеть в Европе) устроил настоящую биржу по купле-продаже секретных документов. В этом бизнесе у него не было политических предпочтений. Как рассказал Фолку эстонский военный атташе Саарсон, Онодера просил его предложить вниманию британцев, с которыми эстонец поддерживал хорошие отношения, некоторые донесения советских агентов. Материалы представляли собой протоколы совещаний британского военного кабинета, причем из сопроводительных записок и пометок явствовало, что они побывали в руках аналитиков СД.

Из всех советских «кротов» на Британских островах самым осведомленным одно время был член кембриджской «великолепной пятерки» Джон Кернкросс, личный секретарь лорда Хэнки, имевший доступ ко всем документам британского кабинета, включая переписку двух лидеров. В марте 1942 года Хэнки ушел в отставку, и Кернкросс стал работать в шифровальном центре Блетчли-Парк, откуда он поставлял советской разведке информацию в неимоверных объемах. Однако материалы, выкраденные Фолком из письменного стола Кремера, можно связать с Кернкроссом лишь отчасти.

...Осенью 1945 года британские оккупационные власти арестовали Марию Луизу Шинке – старшего и наиболее доверенного секретаря Вальтера Шелленберга. От нее стало известно, что Гиммлер и Шелленберг начали готовить свой побег уже в начале 1945 года. Шинке и гауптштурмфюрер Франц Геринг должны были сопровождать их в Швецию. Фрау Шинке показала, что в последние месяцы войны ее шеф находился под неусыпным наблюдением гестапо; по распоряжению Гиммлера он перевел свой офис в особо охраняемый загородный дом, где были оборудованы и жилые помещения; пищу, во избежание отравления, готовили здесь же Шинке и другая секретарша, тоже переехавшие на казарменное положение. Гиммлер настоял также, чтобы в офисе Шелленберга постоянно дежурили две собаки, а одна из них сопровождала Шелленберга во всех поездках. В таких условиях готовить побег и вести переговоры на эту тему было исключительно сложно. Тем не менее к началу мая все было готово: переведены деньги в рейхсмарках и иностранной валюте, доверенные люди с безукоризненными документами ждали в назначенных местах.

Однако побег рассматривался как крайняя мера. Рейхсфюрер претендовал на видную роль в послевоенной судьбе Германии. Его разменной монетой стали заключенные подчиненных ему лагерей. Первая встреча Шелленберга с графом Бернадоттом состоялась 16 февраля 1945 года. Спустя два дня Шелленберг доставил графа в ставку Гиммлера в Хохэнлишене для продолжения переговоров об участии скандинавских евреев. В итоге из лагерей смерти были освобождены практически все евреи Скандинавских стран и несколько шведских подданных, осужденных в Германии за шпионаж. По распоряжению рейхсфюрера бывшего командующего Армией Крайовой генерала Тадеуша Бур-Коморовского, руководителя утопленного в крови Варшавского восстания, передали швейцарским властям. Гиммлер предлагал на обмен и двадцать пленных британских офицеров, уже собранных в партию. При этом точные условия сделки оставались неясными. Во всяком случае, одним из условий должно было стать освобождение Гиммлера от какой бы то ни было уголовной ответственности. В лице Бернадотта Гиммлер и в особенности Шелленберг приобрели влиятельного покровителя, который, как мы увидим ниже, сделал все от него зависящее.

21 апреля в два часа утра состоялась встреча Гиммлера с представителем шведского отделения Всемирного еврейского конгресса Норбертом Мазуром. Рейхсфюрер заявил, что если бы державы еще до войны согласились с изгнанием евреев за пределы Германии, никакой еврейской проблемы не возникло бы. Затем он сообщил, что концлагеря были

Рисунки из газеты Illustrated London News от 2 июня 1945 года: Гиммлер (?) сразу после ареста; на смертном одре; футляр и ампула с синильной кислотой; советские офицеры, осматривающие труп Гиммлера. Последняя сцена в реальности места не имела и является плодом чистого вымысла английского художника

главным образом «центрами трудовой переподготовки» и что проявления жестокости со стороны персонала строго наказывались. Гиммлер выразил горькие сожаления по поводу лживой пропаганды, которой союзники окружили лагерь.

«Когда я отпустил в Швейцарию две тысячи семьсот евреев, – горестно поведал он Мазуру, – они развернули персонально против меня кампанию в прессе – будто бы я освободил их исключительно с целью создать себе алиби. Но у меня нет нужды в алиби. Я всегда делал только то, что считал справедливым, – то, что было жизненно важно для моего народа. Я отвечаю за это. За последние десять лет ни на кого не вылили столько грязи, сколько на меня. Я никогда не придавал этому значения. Даже в Германии сегодня всякий может сказать обо мне все, что пожелает. Газеты за границей развернули против меня кампанию, которая совсем не вдохновляет меня на дальнейшее освобождение людей из лагерей».

Последняя встреча Гиммлера с Бернадоттом имела место 23 апреля в шведском консульстве в Любеке. «Великая жизнь фюрера близится к концу», – торжественно возвестил рейхсмаршал, накануне покинувший Берлин.

Нелегкий день 30 апреля

Гитлеру доложили об этой встрече вечером 28 апреля. Радио Би-би-си со ссылкой на агентство Рейтер сообщило, что Гиммлер ведет через Бернадотта тайные переговоры о мире, предлагая Эйзенхауэру капитуляцию немецких армий на западном фронте. Сообщение перехватил пост радиопрослушивания Министерства пропаганды. После взрыва неистовой ярости Гитлер, как пишет очевидец, пилот-испытатель Ханна Рейч, «впал в какое-то оцепенение, и на некоторое время в бункере воцарилась тишина». Успокоившись, фюрер заявил, что поступок Гиммлера – подлейший акт предательства, с каким он когда-либо сталкивался. Именно в эту ночь Гитлер вступил в брак с Евой Браун, продиктовал завещания и, наконец, приказал генералу Риттеру фон Грейму, которого он назначил вместо Геринга главнокомандующим Люфтваффе, и Ханне Рейч арестовать Гиммлера.

В политическом завещании он объявил об изгнании из партии и со всех государственных постов Геринга и Гиммлера, которые «запятнали несмыслаемым позором всю нацию, тайно вступив в переговоры с врагом без моего ведома и вопреки моей воле». Президентом рейха и Верховным главнокомандующим он назначил гроссадмирала Карла Дёница.

Если Геринг к этому времени уже был арестован силами СС в Берхтесгадене, то Гиммлер не только оставался на свободе, но и продолжал командовать дисциплинированными и стойкими войсками. Он не знал, что уже 26 апреля шведский консул в Любеке граф Левенхаупт заявил Шелленбергу, что Гиммлер как партнер по переговорам для Запада неприемлем. Шелленберг ничего не сказал об этом Гиммлеру.

К моменту смерти Гитлера курьер еще не успел доставить текст завещания Дёницу, который находился в своем штабе в Плёне в Шлезвиге. Поэтому 30 апреля, в день смерти Гитлера, Борман направил гроссадмиралу радиogramму, в которой, однако, извещал его лишь о назначении преемником фюрера, но не о его смерти. Дёниц был поражен выбором и, справившись с потрясением, ответил радиogramмой, начинавшейся словами: «Мой фюрер! Моя преданность вам беспредельна». 1 мая около полудня пришла новая депеша из бункера за подписью Бормана. «Завещание вступило в силу», – гласила она. Тремя часами позднее Геббельс сообщил Дёницу о кончине фюрера. В 10:20 вечера гроссадмирал выступил по радио с обращением к нации. «Моя первейшая задача, – заявил он, – спасти Германию от уничтожения наступающим врагом – большевиками. <...> В сложившихся условиях <...> англо-американцы будут вести войну не в интересах своих народов, а исключительно ради распространения большевизма в Европе».

В тот самый день, а возможно, и час, когда умер Гитлер, а Дёниц узнал о своем назначении, в штабе гроссадмирала появился Гиммлер. О том, как проходила эта встреча, известно прежде всего из мемуаров самого Дёница.

Его визит, пишет гроссадмирал, «показал мне, что он явно рассчитывал на назначение главой государства. Здесь крылся источник потенциальной опасности. Гиммлер имел в своем распоряжении вооруженные силы по всей стране. Я не имел никаких». Гиммлер, продолжает мемуарист, появился около полуночи в сопровождении шести офицеров СС. Дёниц, ожидая от рейхсфюрера, по его словам, чего угодно, положил под бумаги на своем письменном столе снятый с предохранителя пистолет.

«Я протянул Гиммлеру телеграмму о моем назначении. «Пожалуйста, прочтите это», – сказал я. Я пристально наблюдал за ним. По мере чтения выражение изумления и неподдельного смущения отразилось на его лице. Все его надежды, казалось, рухнули. Он сильно побледнел. Наконец, он встал и поклонился. «Позвольте мне, – сказал он, – быть вторым человеком в вашем государстве». Я ответил, что этот вопрос не подлежит обсуждению и что я никоим образом не смогу воспользоваться его услугами». Уехал Гиммлер, по словам Дёница, около часа ночи.

Адъютант Гиммлера штурмбаннфюрер Хайнц Махер излагает тот же сюжет несколько иначе. По его словам, в эти последние дни рейха Гиммлер ездил в Плён из Любека почти ежедневно, всякий раз с большим эскортом. Приезжал и 30 апреля. Вернувшись в Любек вечером, Гиммлер получил от Махера сообщение, что гроссадмирал просит его спешно вернуться.

«Мне это не нравится, – сказал Гиммлер Махеру. – Мы только что от него. Что-то случилось. Пожалуйста, возьмите побольше людей». Махер отобрал для поездки тридцать шесть испытанных ветеранов СС. Кортёж вернулся в Плён около полуночи, и это единственное совпадение с воспоминаниями Дёница. Разговор был вовсе не таким коротким, как описывает Дёниц. Беседа затянлась до утра. Она продолжалась после того, как Дёниц отправил телеграмму Гитлеру (на счет неколебимой преданности) и после его обращения к нации, начинавшегося словами: «Фюрер жив и руководит обороной Берлина». Все это время адъютанты в соседнем помещении пили коньяк, атмосфера была вполне дружеской. Направляясь к выходу, Гиммлер столкнулся с Греймом и Рейч, у которых на руках был приказ об аресте рейхсфюрера.

Рейч излагает их диалог следующим образом:

Рейч: – Это измена, г-н рейхсфюрер.

Гиммлер: – Измена? Нет. Вот увидишь, история рассудит иначе. Гитлер желал продолжения борьбы. Он был одержим гордостью и честью. Он хотел проливать немецкую кровь, когда ее уже не осталось. Гитлер был безумен. Это нужно было остановить гораздо раньше.

Рейч: – Гитлер умер отважно и гордо. А вы, Геринг и прочие живете, как отъявленные предатели и трусы.

Гиммлер: – Я делал то, что мог, чтобы сохранить немецкую кровь и спасти то, что еще осталось от нашей страны.

Засим рейхсфюрер беспрепятственно удалился. Дёниц пишет, что 6 мая он снял Гиммлера со всех постов. «Когда впоследствии я узнал больше обо всех зверствах, совершенных в концентрационных лагерях, я пожалел, что отпустил его на волю». Возможно, рассказ Махера наиболее близок к истине. Гиммлер впервые появился в штабе Дёница еще до назначения последнего преемником Гитлера. Гроссадмирал, выслушав сообщение о скорой кончине фюрера, выразил полную готовность служить под верховным командованием Гиммлера. В тот момент, когда Дёниц узнал о том, что назначен президентом и главнокомандующим вооруженными силами рейха и что рейхсфюрера приказано арестовать (оба известия содержались в политическом завещании Гитлера), он и Гиммлер обсуждали план капитуляции Гамбурга. Эта дискуссия продолжалась за обедом, на который были приглашены Рейч и фон Грейм, а также адъютанты гроссадмирала и рейхсфюрера. Маловажно то, чтобы Ханна Рейч разговаривала с Гиммлером за обеденным столом в том мелодраматическом тоне, в каком выдержан описанный ею и процитированный диалог.

Маскарад не удался

Так или иначе, шансы Гиммлера на какую-либо роль в послевоенных судьбах Германии таяли на глазах. Как раз в эти дни появились первые сообщения агентства Рейтер и кинохроника Pathe о концлагерях. Сильно осложнила Гиммлеру задачу утечка о его мирных предложениях Эйзенхауэру. На первый план для Гиммлера вышел вопрос личной безопасности – ему нужно было отсидеться в спокойном месте, пока оседает пыль.

Один из британских офицеров утверждал, что видел Гиммлера в ставке Дёница 12 мая. По свидетельству нового министра иностранных дел рейха Шверин фон Крозига, рейхсфюрер сказал ему в первых числах мая: «Они никогда не найдут меня. Политические события развиваются в мою пользу. Я скроюсь и дождусь перемен».

Гиммлер выехал из Фленсбурга с документами на имя Генриха Хитцингера, провинциального полицейского, осужденного несколько месяцев назад за «попрачение» и приговоренного к смерти.

Перед последним путешествием рейхсфюрер сбросил усы. Его сопровождала группа из четырнадцати человек. В нее входили его личный врач обергруппенфюрер СС д-р Карл Брандт, личный хирург обергруппенфюрер СС Карл Гебхардт, обергруппенфюрер СС Отто Олендорф, личный секретарь Гиммлера штурмбаннфюрер Йозеф Кирмайер и адъютанты оберштурмбаннфюрер Вернер Гротманн и штурмбаннфюрер Махер, а также два офицера охраны и семь офицеров штаба рейхсфюрера. У всех на руках были документы о том, что группа демобилизована из частей полевой полиции по болезни и направляется в Мюнхен под присмотром д-ра Гебхардта. На всех была разномастная униформа без знаков отличия и плащи поверх кителей. Судя по описаниям, группа производила впечатление банды головорезов. Для полноты картины человек, называющий себя Хитцингером, по-пиратски наклеил себе на левый глаз черную наклепку.

Поначалу группа передвигалась на четырех автомобилях, затем вынуждена была отказаться от них и шла пешком. 18 мая группа достигла городка Бремервёрде. Здесь было принято необъяснимое решение. Речка Осте, которую предстояло пересечь, отличается мелководностью, и сотни беженцев преодолевали

Мертвый Гиммлер (?) и живой. На правой фотографии отчетливо виден шрам между ухом и глазом, отсутствующий на лице самоубийцы

ее вброд. Однако на обоих мостах стояли британские КПП. При проверке документов они сверялись со списком разыскиваемых лиц, составленным союзниками, так называемым CROSSCASS (Registry of War Criminals and Security Suspects). Этот документ имел в своем распоряжении Гиммлер. У патрулей не было, правда, фотографий – в сомнительных случаях они должны были связываться с объединенной разведывательной службой.

20 мая около трех часов пополудни Кирмайер и Гебхардт отправились на мост первыми, намереваясь вернуться за остальными, если проверка пройдет благополучно (План надо признать сомнительным: благополучной следовало считать такую проверку, после которой проверяемые не возвращаются). Элементарная логика подсказывает, что группе следовало выставить наблюдателя, который смог бы определить, задержаны первые двое или миновали КПП без осложнений. Несмотря на высокий профессионализм членов группы, этого сделано не было.) Они были задержаны и вернулись за оставшимися членами группы на двух грузовиках и в сопровождении конвоиров. После допроса, на котором были даны противоречивые показания, вся группа была арестована. Вся, за исключением трех человек. Махер, Гротманн и Хитцингер исчезли. Гебхардт в сопровождении начальника британского патруля в тот же день еще раз вернулся на ферму, где укрывалась вся группа, но пропавших не обнаружил, хотя отзывается о них как о «больных товарищах», нуждающихся в медицинской помощи. Вместо исчезнувших на чердаке обнаружился саквояж, содержимое которого составляли пижама, домашние тапочки и маникюрный набор с характерной монограммой R.F.S.S. Не нужно даже быть знатоком немецкого языка (а начальник патруля им был), чтобы расшифровать аббревиатуру как «рейхсфюрер СС».

На третьи сутки, 22 мая, во второй половине дня, пропавшее трио объявилось на главной улице Бремервёрде. Они прохаживались не спеша и ни от кого не скрываясь, хотя даже беглого взгляда на них хватило бы для сильнейших подозрений. Рослые адъютанты с офицерской выправкой в долгополых пальто явно военного покроя сопровождали неказистую фигуру в гражданском платье. Троица была остановлена британским патрулем не доходя моста и препровождена в караульное помещение, в которое была превращена мельница. Оттуда начальник патруля позвонил на КПП и сообщил, что беглецы нашлись.

Переночевав на мешках с мукой, арестованные были подняты на ноги рано утром и в семь часов утра отправились в лагерь, где уже находились остальные двенадцать человек. Немедленно по прибытии они стали громко и скандально требовать встречи с комендантом лагеря капитаном Томасом Селвестером. Когда все трое предстали перед комендантом, он первым делом велел удалить обоих здоровяков и остался наедине с их тщедушным спутником. Этот третий безликий слов снял наклейку с левого глаза и водрузил на переносицу очки. После этого он мог бы и не представляться.

Однако он все же сказал тихим голосом: «Генрих Гиммлер».

Сомнительный медосмотр

Капитан Селвестер немедленно поставил в известность штаб Второй армии фельдмаршала Монтгомери в Люнебурге, откуда не мешкая выехал для опознания офицер разведки. Тем временем комендант провел личный досмотр заключенного. Он приказал ему раздеться и по мере разоблачения обыскиваемого тщательно осматривал каждый предмет одежды, после чего передавал его сержанту, который делал то же самое. В пиджаке обнаружился латунный футляр, аналогичный патронной гильзе, а в футляре – маленькая стеклянная ампула, которую капитан Селвестер тотчас узнал. Наполненные синильной кислотой ампулы были изготовлены в концлагере Заксенхаузен для высшего руководства рейха. «Это мое лекарство, – пояснил заключенный. – Помогает от желудочных спазмов». Вскоре нашелся и другой футляр, пустой. Селвестер решил, что заключенный прячет вторую ампулу где-то на теле, и тщательно осматривал обнаженную фигуру, даже расчесал ему волосы, однако в рот заглядывать не решился, опасаясь эксцессов. Вместо этого капитан велел принести чай и сэндвичи с сыром. Заключенный ел, как все, нисколько не затрудняясь жевать или глотать.

Последнему эпизоду трудно верить. Ампула имела 9 миллиметров в диаметре и 35 в длину. Жевать и глотать с таким предметом во рту невозможно. Одно из двух: либо обыск был недостаточно тщательным и заключенный во время еды прятал ампулу где-то в другом месте, либо эпизод с чаем и сэндвичами – фантазия капитана Селвестера.

Наконец, в лагерь прибыла группа сотрудников разведки во главе с майором Райсом. Райс имел при себе учетную карточку на Гиммлера, содержащую краткое описание его карьеры, а также ряд важных сведений, как-то: номер его партбилета, номер офицера СС и образец подписи, а также фотографию. В карточке, однако, не было никаких сведений анатомического характера (рост, вес, особые приметы), отпечатков пальцев или данных о его зубах.

Первым делом команда Райса сравнила строение уха заключенного с фотографией и пришла к выводу об идентичности (на фотографии, впрочем, была видна лишь часть уха). На вопрос о партийном номере заключенный ответил: «Четырнадцать тысяч с чем-то». Реальный номер был 14303. Номер своего партбилета наизусть помнил любой член партии, а Гиммлер к тому же отличался феноменальной памятью. Личный номер офицера СС он указал тоже близко к истине, но не точно: 169 вместо 168. И лишь на вопрос о дате рождения дал совершенно точный ответ: 7 октября 1900 года. Однако именно этот-то ответ и не совпал: в карточке было ошибочно указано 1 ноября 1900 года. Затем Райс попросил заключенного расписаться, на что тот согласился при условии, что бумага с его подписью будет немедленно уничтожена. Как ни странно, майор на это условие согласился. Как и в

случае с ухом, в команде не было специалиста; Райс заключил, что подпись совпадает с факсимиле, имеющимся в карточке, и вынес вердикт: Генрих Хитцингер – не кто иной, как Генрих Гиммлер.

В дальнейшем разговоре Хитцингер-Гиммлер не сообщил ничего такого, что могло бы подтвердить его исключительную посвященность в тайны Третьего рейха. Он сказал лишь то, что было известно любому немецкому офицеру.

Как только личность заключенного была, по мнению майора Райса, установлена, донесение об этом было передано в штаб в Люнебурге. В лагерь отправился начальник разведки Второй армии полковник Майкл Мерфи.

Ознакомившись с результатами обыска, Мерфи приказал заключенному снова раздеться и надеть другую одежду. Заключенный отказался сделать это – он заявил, что уже раздевался и что он не желает надевать предложенную ему британскую военную форму. Услышав угрозу применить силу, узник все-таки разделся, однако надевать форму враждебной державы все же отказался и после обыска надел свои серую рубашку, кальсоны и носки. Чтобы он не продрог, ему выдали армейское одеяло, в которое он завернулся.

Исчезнувшая вторая ампула не давала покоя полковнику Мерфи. По его словам, он понимал, что на теле заключенного есть лишь два места, куда ее можно спрятать, – рот и ягодицы. Полковник решил провести медицинский осмотр, для чего пришлось доставить заключенного в штаб армии. В какой-то момент водителю показалось, что он сбился с дороги, и тогда узник сказал, что автомобиль на правильном пути к Люнебургу.

Тем временем в штабе нашли врача. Это был капитан Клемент Уэллс. Узнав, в чем состоит его задача, Уэллс заявил: «Я врач, а не сыщик». На что Мерфи ответил: «Делайте, что вам говорят». Начиная с этого обмена репликами свидетельства непосредственных участников событий на каждом шагу противоречат друг другу.

Уэллс начал с полости рта. Заключенного усадили в кресло. Стоящий рядом сержант держал лампу. При первом же взгляде Уэллсу почудился некий серебряный отблеск во рту. Сержант поднял лампу выше. «Откройте рот», – сказал Уэллс. Вместо этого узник сжал челюсти и резко откинул голову назад. Его лицо мгновенно позеленело. Несмотря на попытки промыть ему желудок и искусственное дыхание, заключенный скончался в 11 часов 14 минут вечера.

Труп без права опознания

Впоследствии Уэллс детально описал процедуру, состояние «пациента» и объяснил свои действия. По его словам, «пациент» вел себя спокойно и выполнял все указания. Он действительно увидел маленький блестящий предмет между левой щекой и нижней челюстью. «Что, черт побери, я должен сейчас делать?» – подумал Уэллс. Заметил ли «пациент», что доктор обнаружил нечто необычное? Поэтому Уэллс, по его словам, в знак удовлетворения кивнул головой и, обернувшись к сержанту, сказал, что хочет повторить проверку, дабы рассеять все сомнения. На сей раз он помог «пациенту» пальцем. «Пациент», видимо, поняв, в чем дело, сомкнул челюсти невзирая на палец.

«На мгновение мы вступили в борьбу, – вспоминает Уэллс. – Он вырвал мою руку из своего рта, мотнул головой и, глядя на меня с нескрываемым презрением, разгрыз ампулу и сделал глубокий вдох. Его лицо мгновенно исказилось от боли, глаза остекленели, и он рухнул назем».

Уэллс намочил свой носовой платок и постарался промыть полость рта узнику, затем занялся искусственным дыханием, прекрасно понимая всю тщетность своих усилий, – по его словам, он действовал, полагаясь «автоматическому рефлексу». Около минуты умирающий еще дышал, и еще минуту прощупывался пульс. При этом изо рта покойника исходил запах синильной кислоты, который профессиональный медик не перепутает ни с каким другим.

Во время этих манипуляций Уэллс крикнул, что ему нужен стимулятор сердечной мышцы. Один из офицеров бросился к машине и помчался в госпиталь, где, как нарочно, была гулянка. Вопрос о стимуляторе был встречен гомериче-

ским хохотом. «Вот твой стимулятор, старина!» – заявил один из врачей, вручая прибывшему стакан виски.

На ночь у трупа выставили охрану. На следующий день, 24 мая, после тяжкого раздумья Мерфи собрал совещание, дабы восстановить картину происшедшего и выработать общую версию. (Полковник Мерфи, как выяснилось впоследствии, при инциденте вообще не присутствовал – поручив заключенного заботам доктора, он отправился в туалетную комнату.) В прессу уже просочились сведения о том, что рейхсфюрер СС арестован британской разведкой в итоге тщательно спланированной операции. Все присутствующие, включая доктора Уэллса, получили строгий приказ ни с кем не обсуждать происшествие.

Однако американцам и русским сообщить уже успели. Вскоре после четырех часов пополудни в здании появился капитан Кучин из штаба маршала Жукова. Он не был экспертом и не привез с собой никаких материалов для идентификации. Осмотрев тело, он пожелал встретиться с полковником Мерфи, однако тот от встречи уклонился. Кучин заявил, что вернется вместе с командиром, и удалился. Наутро армейские медики полковник Браун, майор Атткинс и капитан Бонд провели вскрытие тела. В ответ на свое предложение снять отпечатки пальцев они услышали, что этим займется военная полиция. Однако отпечатков так никто и не снял. В 04:30 Мерфи созвал пресс-конференцию и показал труп журналистам.

Наутро, 26 мая, по приказу полковника труп захоронили в близлежащем парке без гроба. Могила тщательно замаскировали листьями и ветками. В тот же день начались неприятности. В 10:30 утра из Берлина прибыла делегация из трех советских офицеров во главе с полковником Василием Горбушиным. Узнав, что труп уже погребен, он потребовал встречи с полковником Мерфи и получил отказ. Такую же реакцию встретило его требование эксгумировать останки. После нескольких часов тщетного ожидания советская делегация в гневе удалилась.

Горькая ирония состоит в том, что Горбушин мог со стопроцентной точностью опознать труп – у него почти наверняка были при себе рентгеновские снимки зубов Гимmlера и его медицинская карта, изъятая у берлинского дантиста, лечившего главарей рейха. Он не смог добиться даже копии протокола вскрытия, где имелось подробное профессиональное описание зубов покойного.

Спустя час после отъезда Горбушина, около трех пополудни, приехали два американца.

Они привезли с собой множество документов, а главное – старшего брата Гимmlера, Гебхарда, и его секретаря и любовницу Хедвиг Поттхаст, которые могли безошибочно опознать труп. После бурного обмена мнениями с полковником Мерфи американцы тоже удалились, твердо намереваясь провести эксгумацию. Однако безутешные брат и секретарша так и не получили возможности увидеть усопшего...

Зубы рейхсфюрера

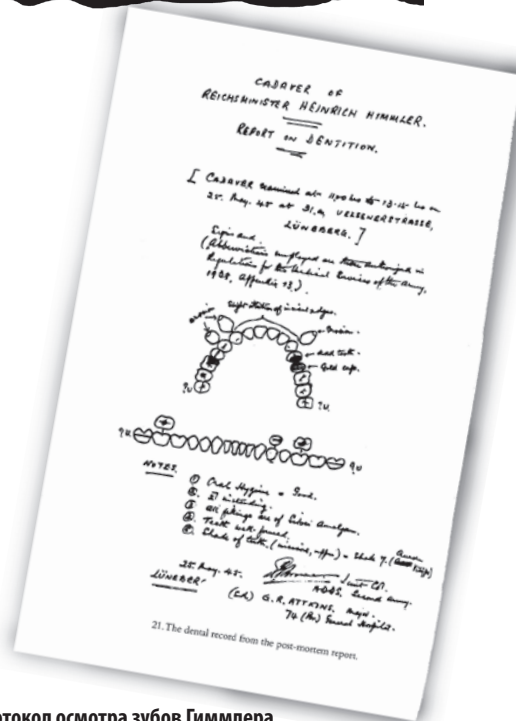
Профессиональный патологоанатом англичанин Хью Томас, опубликовавший в прошлом году книгу «Странная смерть

Генриха Гимmlера», тщательно изучил все доступные ему источники и материалы обоих вскрытий, а также встретился с некоторыми свидетелями. Томас пришел к однозначному выводу: человек, выдавший себя за рейхсфюрера, не Гимmlер. Один из наиболее веских аргументов – отсутствие у трупа шрама на левой скуле. Это след университетских занятий фехтованием, хорошо видный на фотографиях Гимmlера; рана была нанесена рапирой, клинок которой имел в сечении форму трилистника. Участник первого вскрытия, подполковник Браун, однозначно заявил Томасу, что никаких шрамов на лице покойника не было; соответственно, не упоминается он и в протоколе вскрытия. Томас пишет, что Браун был шокирован, когда увидел фотографию Гимmlера в профиль. Что касается второго вскрытия, то к этому времени кожа трупа пришла в такое состояние, что установить наличие или отсутствие шрама не представлялось возможным.

Еще одно важное несоответствие – описание зубов и челюстно-лицевой архитектуры. Атткинс и Браун составили отдельный стоматологический протокол и нарисовали подробную схему челюстей трупа. Они насчитали у него в общей сложности 27 зубов, одну золотую коронку и несколько серебряных пломб, а также один мертвый зуб. Цвет зубов описан как светло-серый. По сведениям Хью Томаса, это совершенно не соответствует состоянию зубов Гимmlера. Томас установил это, встретившись с ассистентом профессора Хуго Блашке, лечившего высших руководителей рейха, Кете Хейзерманн, которая, по ее словам, прекрасно помнит особенности зубов рейхсфюрера.

Хейзерманн подтвердила: медицинскую карту забрали из частного зубокабинета Блашке русские офицеры. Русские, рассказала Хейзерманн, привезли ее затем в стоматологический кабинет имперской канцелярии, где она помогала отбирать оставшиеся документы. Рентгеновские снимки зубов Гитлера и Гимmlера отсутствовали. Хейзерманн говорит, что рейхсфюрер обращался к услугам Блашке всего несколько раз; лишь дважды ему были поставлены две пломбы, на нижний и верхний левые коренные зубы, в остальных случаях дело ограничивалось осмотром. По ее словам, Гимmlер не лечился у других дантистов. Хейзерманн утверждает, что рейхсфюрер имел прекрасные, здоровые, «почти идеальные» зубы необыкновенной белизны и не потерял ни одного – во всяком случае, при последнем его визите к Блашке в ноябре 1944 года все зубы до единого были на своем месте. Она совершенно определенно заявила Томасу, что у Гимmlера не было ни одной коронки, а на его вопрос, почему она говорит так уверенно, если рейхсфюрер бывал у дантиста редко, ответила, что это был не тот человек, визиты которого легко забыть. Взглянув на рисунок, сделанный Атткинсом и Брауном, Хейзерманн решительно заявила: это зубы другого человека. Когда Томас показал ей тот же рисунок, но с надписью «Зубы Гимmlера», она надолго замолчала и в конце концов отказалась отвечать на дальнейшие вопросы.

Кете Хейзерманн провела много лет в советской тюрьме без предъявления каких бы то ни было обвинений. О зубах Гимmlера ее никто никогда не спрашивал...

Протокол осмотра зубов Гимmlера, составленный после его самоубийства

Выводы Хью Томаса безупречны. Он, к примеру, считает важным доводом в пользу своей версии тот факт, что заключенный, назвавшийся Гимmlером, носил очки, тогда как рейхсфюрер, как всем известно, – пенсне. Между тем существуют фотографии, на которых Гимmlер запечатлен именно в очках. К недостаткам его исследования следует отнести и то, что все оно построено на интервью с участниками событий. Документы по делу о самоубийстве Гимmlера засекречены на сто лет – до 2045 года.

Убежище для Шелленберга

Вальтер Шелленберг расстался со своим шефом в первых числах мая. Дёниц пишет, что он и рейхсфюрер появились в его ставке именно в начале мая, и опять-таки в ключевой момент: гросс-адмирал обсуждал с рейхскомиссаром Норвегии Тербовеном и командующим немецкими силами в Норвегии генералом Беме план капитуляции. Шелленберг предложил сдать Швецию немецким властям. Он-де уже обсуждал этот вопрос со Стокгольмом, и шведы не возражают. Дёниц отнесся к идее скептически: не видел никаких гарантий, что шведы, опасаясь осложнений с Москвой, не выдадут ей интернированных руководителей рейха. Гросс-адмирал утверждает, что по совету Шверина фон Крозига он поручил Шелленбергу предварительное обсуждение условий капитуляции. «Но я определенно не давал Шелленбергу права вступать в какие-либо формальные соглашения».

Возможно, так оно и было. Но шефу внешней разведки рейха хватало и этих полномочий. В ранге «чрезвычайного и полномочного посланника» рейхспрезидента Дёница он направился в Швецию. До Копенгагена добрался в машине Красного Креста вместе с графом Бернадоттом. Оттуда на личном самолете графа перелетели в Мальмё, а из Мальмё в Стокгольм – на борту шведского военного самолета. Встретивший Шелленберга у трапа шведский дипломат немедленно препроводил его в летнюю королевскую резиденцию Тульгарен на архипелаге Тоса. Правительство Швеции всячески стремилось сыграть позитивную роль в окончании войны.

Для деловых кругов Англии и США попытки заключить компромиссный или, если угодно, сепаратный мир были продолжением довоенной дипломатии, которую олицетворял Невилл Чемберлен с его знаменитой фразой: «Я привез мир народам Европы». После Первой мировой войны частный бизнес стран-победительниц инвестировал в восстановление Германии огромные средства. С 1924 по 1930 год Германия получила иностранных займов в общей сложности на сумму в семь миллиардов долларов, главным образом из американских и британских источников. И это не считая частных инвестиций, и не только в Германию, но и в Польшу и Чехословакию. Немецкий экономический подъем сказался на деловой активности во всей Европе и Америке. После перелома в ходе войны большой бизнес возобновил усилия по защите своих деловых интересов. Ключевую роль в переговорах с немцами играли именно предприниматели – такие как шведские банкиры братья Якоб и Маркус Валленберги, тесно связанные с финансовыми кругами обеих враждующих сторон.

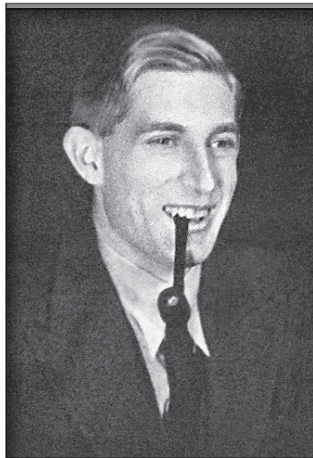
Однако усилия о заключении сепаратного мира успехом не увенчались. 8 мая в 02:41 утра в Реймсе, в штабе Эйзенхауэра, состоялось подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии. Когда Шелленберг дозвонился до фон Крозига, тот не велел ему продолжать переговоры.

В последующие несколько дней Шелленберг и Бернадотт нанесли несколько визитов в британское посольство. Потеряв свой статус уполномоченного на переговорах о капитуляции в Норвегии, Шелленберг, тем не менее, оставался посланником, пользовался поддержкой шведского правительства и отныне думал о собственной участи.

Он считал вполне возможным получить иммунитет от уголовного преследования по обвинению в военных преступлениях. Пример Рейнхарда Гелена говорит, что в таком повороте не было ничего невозможного. Однако факт его пребывания в Стокгольме и встреч с сэром Виктором Моллетом получил огласку: репортеры сфотографировали его и Бернадотта в тот момент, когда они выходили из машины и направлялись в здание британской миссии.

Возможно, благодаря этому обстоятельству работавшие под крышей британского посольства в Стокгольме сотрудники разведки Фолк и Теннант добились в конце концов того, что Форин-офис запретил Моллету дальнейшие встречи с Шелленбергом, о чем Бернадотт узнал 9 мая. На следующий день граф получил распоряжение британских властей: Шелленбергу надлежало прибыть в аэропорт Бромма и отправиться на борту само-

Слева: агент британской разведки Питер Фолк, который мастерски шел по следу искателей сепаратного мира. Справа: один из таких искателей – британский посланник сэр Виктор Моллет со шведским кронпринцем Густавом Адольфом. В центре: адъютанты Гимmlера Вернер Гротманн и Хайнц Махер наутро после его самоубийства

► лета королевских военно-воздушных сил в Лондон. Секретарь Бернадотта позволил в британскую миссию и поинтересовался, зачем Шелленберг потребовался в Лондоне. Из миссии ответили, что бригаденфюрер срочно нужен для выяснения ряда вопросов. В то самое утро, когда за гостем графа прибыл автомобиль, чтобы отвезти его на аэродром, шведские газеты вышли с сенсационными сообщением и о том, что королевская семья укрывает военного преступника. Вздвигнувшийся Бернадотт заявил, что его гость «утомлен физически и душевно», а потому не может совершать никаких путешествий. Однако вскоре обоим стало ясно, что они переоценили ситуацию в свою пользу. Британское правительство предпочло забыть о предварительных договоренностях об иммунитете. Сделка не состоялась. Швеция не могла предложить Шелленбергу убежище, не навлекая на себя гнев великих держав. Открылся последний тур переговоров о дальнейшей судьбе Шелленберга.

Из Лондона в Стокгольм прибыл некий ответственный представитель SS. 11 мая он встретился с Бернадоттом и Шелленбергом. Фолк не имел понятия, кто этот представитель, но благодаря своим источникам и сопоставлению обстоятельств выяснил, что это был Блант.

Уступая давлению Лондона, о скорейшем отъезде Шелленберга попросило шведское правительство. Бернадотт и Маркус Валленберг советовали Шелленбергу просить о шведском подданстве. Наконец, 12 мая с Британских островов пришел приказ немедленно доставить в Лондон Шелленберга вместе со всеми имеющимися при нем документами.

На следующий день Бернадотт собрал совещание высокопоставленных лиц, в числе коих были старший офицер шведской разведки Линдквист и верховный судья Экберг. Бернадотт рассказал собравшимся об усилиях Шелленберга по спасению скандинавских евреев. После совещания Виктор Моллет сообщил в Форин-офис, что Шелленберг все еще слишком слаб для поездки и намерен оставаться в Швеции до тех пор, пока его положение не прояснится.

Ловушка

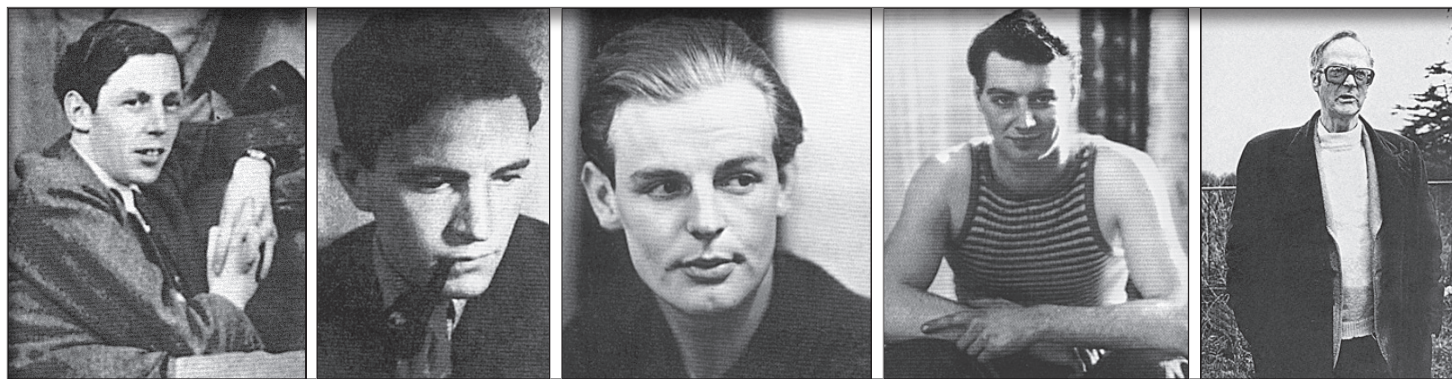
Шелленберг между тем принял решение передать наиболее ценные документы своего архива на хранение поверенным Бернадотта – они должны были стать гарантией его безопасности. Он приступил также к описанию своей деятельности в годы войны – этот трактат должен был помочь ему получить шведское подданство. Гауптштурмфюрер Франц Геринг, тоже находившийся в Стокгольме, подтвердил, что Шелленберг всегда занимал антигитлеровскую позицию и будто бы именно он внушил Гиммлеру мысль о необходимости заключения мира.

Тем временем оживились американцы. Госдепартамент выразил шефу Управления стратегических служб генералу Доновану недоумение в связи с тем, что УСС не удалось взять ситуацию под свой контроль.

Шелленберг подключил к своим усилиям японских дипломатов. Две секретные встречи с британцами состоялись в японском посольстве. 31 мая новая встреча имела место в доме Бернадотта. В числе гостей были, помимо Шелленберга, Линдквиста и Экберга, Виктор Моллет и генерал Макото Онодера.

Узнав о встречах под эгидой японцев, УСС приступило к немедленным действиям. 2 июня Шелленбергу через посредников предложили лететь вместо Лондона во Франкфурт – американскую оккупационную зону. Ему был обещан «более радужный прием». Затем американский военный атташе полковник Рейнс встретился с Шелленбергом в доме Бернадотта. Бернадотт и его друзья в правительстве Швеции далее не могли обеспечивать убежище Шелленбергу – дело получило слишком широкую и неблагоприятную огласку в шведской прессе. От этой критики страдали интересы королевской семьи. В итоге Шелленберг принял предложение американцев.

17 июня полковник Рейнс, Бернадотт и Шелленберг вылетели из Сток-

Великолепная «Кембриджская пятерка» (слева направо: Энтони Блант, Ким Филби, Дональд Маклин, Гай Берджесс, Джон Кернкросс) вела вокруг Гиммлера и Шелленберга свою игру. Она стала для знаменитых советских разведчиков последней

гольма на американской «Дакоте» во Франкфурт-на-Майне. Среди багажа были шесть небольших оцинкованных ящиков с документами. На аэродроме Шелленберга встретили и препроводили в штаб-квартиру управления разведки сухопутных сил США. Прием оказался и впрямь теплым. Его разместили в отдельной комнате с душем и круглосуточным обслуживанием – в меню значились изысканные вина и прекрасный кофе. Допросы начались незамедлительно.

Как только Блант узнал, что Шелленберг у американцев, во Франкфурт отправился Ким Филби. В британской штаб-квартире в Бад-Ойнхаузене Филби встретился с Бернадоттом. Разговор получился резким. Каждый отправился на встречу с Шелленбергом самостоятельно. Граф прибыл первым и, будучи не в силах сдерживать раздражение, заявил своему протеже, что англичане, потеряв его, «наглеют». Они кратко обсудили, чего ждать от Филби, и пришли к выводу: англичане могут дезавуировать сделку об иммунитете.

К 26 июня две разведки договорились о процедуре допросов Шелленберга. Представитель ФБР во Франкфурте запросил у своего директора Эдгара Гувера разрешение на совместные допросы, причем основным следователем должен был быть Филби. Однако Филби при первой же встрече с агентом ФБР допустить последнего на свои допросы отказался. Агент направил Гуверу новое сообщение. Он утверждал, что изменил намерения и не хочет присутствовать на допросах Филби.

Филби провел в разговорах с Шелленбергом два дня. Затем прибыли еще двое сотрудников британской разведки – специалисты по шифрам и радиосвязи. Взаимопонимание англичан с Шелленбергом, равно как и с американцами, было восстановлено. 7 июля Шелленберга доставили в лагерь под Лондоном. Допросы, в том числе совместные, продолжались. Но их содержание говорило о том, что они не имеют целью изобличить его в совершении военных преступлений. Шелленберг был уверен, что союзники предложат ему заняться организацией разведывательной сети в послевоенной Германии. Однако показания против Кальтенбруннера от него потребовали.

Идиллия вскоре закончилась. Эдгар Гувер проявил неудовольствие слишком мягким обращением англичан с Шелленбергом. 17 августа Гувер дал знать СС, что в деле Шелленберга замешаны интересы национальной безопасности США – в частности вопросы, касающиеся Японии, которых узнику почти не задавали.

В середине ноября, после четырех месяцев допросов, Шелленберга доставили в Нюрнберг для дачи показаний против Кальтенбруннера и Мюллера. 4 декабря в Лондоне была получена депеша: в случае отсутствия возражений со стороны британцев США хотели бы доставить Шелленберга в Вашингтон для продолжения допросов. В этот период Шелленберг участвовал в той самой экзгумации в Люнебурге. Допросы продолжались. Из Вашингтона потоком шли новые вопросы. Среди них все больше о личном участии допрашиваемого в преступлениях нацизма. Дело шло к осуждению. Англичане забеспокоились, как бы не всплыла на поверхность договоренность об иммунитете. В результате Форин-офис присоединился к жалобам советской стороны на мягкость приговоров Нюрнбергского трибунала:

следует-де шире применять смертную казнь и отказать осужденным в праве на апелляцию. Если уж советское обвинение требовало смертного приговора для Ганса Фриче, виновного в основном в том, что вещал по радио, то Шелленберг заслужил его тем более.

Граф Бернадотт посещал Шелленберга в нюрнбергской тюрьме, пользуясь своим положением главы шведского Красного Креста. Вскоре Форин-офис предложил ему пост представителя ООН в Палестине. Граф согласился и спустя четыре месяца после прибытия, 17 сентября 1948 года, был убит еврейскими экстремистами. В ожидании приговора Шелленберг лишился своего главного и наиболее авторитетного посредника. От показаний в его защиту обвинение не оставило камня на камне. Шелленбергу вменялись похищения и убийства, в том числе граждан нейтральных стран, участие в организации айнзатцгрупп СС, использование военнопленных в целях, запрещенных Женевской конвенцией, а также участие в исполнении Окончательного решения. Смертный приговор казался неминуемым. Шелленберг страдал расстройством желудка и утверждал, что его отравили.

Новое явление Гиммлера

Поздней осенью 1946 года британская разведка перехватила записку, которую пытались передать заключенному одного из лагерей в британской оккупационной зоне две женщины. Заключенным этим был бывший адъютант Гиммлера Генрих Шпрингер. Женщины оказались женой и племянницей гамбургского банкира, в доме которого жила дочь другого адъютанта рейхсфюрера, Людольфа Алверслебен-Шохвица, Юлиана. Этот второй адъютант и был автором послания, содержавшего инструкции о том, как установить связь с нацистским подпольем. Записка попала в руки Карла Маркуса, бывшего штурмбаннфюрера СС, давно завербованного англичанами и занимавшегося после войны выявлением подпольной нацистской сети. Маркус обратил внимание на пометки на полях письма. По его мнению, это был почерк Гиммлера, прекрасно ему известный. Маркус отправил в Лондон донесение, в котором утверждал: в британской зоне действует отлично организованное нацистское подполье со связями в Швейцарии и, по-видимому, один из участников организации – Генрих Гиммлер. Донесение имело последствие: визит Кима Филби. Встреча Маркуса и Филби в номере дьюсальдорфского отеля продолжалась несколько часов. «Мы не скрывали неприязни – она была взаимной», – вспоминает Маркус. Филби начал с того, что заявил: «Все возможно. Но Гиммлер определенно мертв». По его словам,

Вальтер Шелленберг ведет сложную игру, пытаясь внести раскол в ряды следователей. Филби назвал решение о его участии в опознании тела глупым – это событие, мол, и дало Шелленбергу почву для утверждений, будто Гиммлер жив. Филби, по словам Маркуса, беспокоило существование нацистского подполья. Он предложил позволить Шпрингеру бежать из лагеря и установить за ним наблюдение. Идею Маркуса о подключении к операции американцев Филби воспринял в штыки. Маркус, в свою очередь, возразил: британской разведке, скорее всего, придется действовать в американской зоне – не разумнее ли вступить с ними в сотрудничество в операции бо-

лее широкого характера? С этим Филби согласился. В заключение он подчеркнул, как важно «уничтожить в зародыше» миф о том, что Гиммлер жив.

Слежка за Шпрингером ничего не дала. Он, по-видимому, знал или догадался, что находится под наблюдением. Он встречался лишь с мелкой сошкой – вся она была известна англичанам. Шпрингер нисколько не стремился в Швейцарию. В конце концов, однако, он побывал в доме Вернера Штендера – человека из тайной сети, снабжавшего документами бывших нацистов. Об этом визите Маркус уведомил Филби, работавшего тогда в Турции. Реакция Филби оказалась неожиданной. Операция была немедленно свернута.

Конец «великолепной пятерки»

В октябре 1948 года безнадежное дело Шелленберга неожиданно оживилось. Итальянская полиция в Риме арестовала трех агентов СС при попытке вскрыть американскую дипломатическую почту. Одним из арестованных был Энтони Блант. Освободили его и его коллег из узилища спустя несколько часов после вмешательства британского посольства. Пострадавшим оказался американский дипломат Ральф Банч, бывший заместителем Бернадотта в Палестине, а после смерти графа занявший его пост. Материалы, отправляемые им в адрес ЦРУ, оказались не чем иным, как документами, которые Шелленберг передал на хранение стряпчим Бернадотта, желая с их помощью оградить себя от уголовного преследования. Британским послом в Риме служил в это время Виктор Моллет. Одним из трех арестованных англичан был Роджер Хикс, во время войны также работавший в Стокгольме. Вскоре он неожиданно умер в своей римской квартире, принимая коллегу из СС.

Известна по крайней мере одна попытка англичан убедить американцев, что полученные ими документы – советская дезинформация. В ЦРУ, однако, после случившегося было принято решение отложить оглашение приговора Шелленбергу и возобновить допросы, продолжавшиеся до марта 1949 года, когда здоровье Шелленберга резко ухудшилось и его госпитализировали. Врачи подозревали рак печени. Приговор огласили 14 апреля в отсутствие обвиняемого, находившегося на больной койке. Он оказался неожиданно мягким: Шелленберг получил шесть лет тюремного заключения. После того как доктор поставили его на ноги, допросы продолжались. Когда Шелленбергу уже нечего было сказать, ему скопили срок. Он вышел на свободу в июне 1951 года и поначалу поселился в Швейцарии, однако после дипломатических протестов Лондона швейцарские власти попросили его покинуть страну. Бывший шеф нацистской разведки переехал в Италию, британские протесты игнорировавшую. 29 октября 1951 года Шелленберг попросил аудиенцию у Папы Римского и незамедлительно ее получил. В своем последнем интервью в феврале 1952 года он жаловался на слежку, которую ведет за ним британская разведка. 31 марта он умер и был погребен на общественном кладбище в Турине.

Но зачем советским «кротам» потребовалось спасать Шелленберга с его документами? Затем, что именно эти документы содержали прямые наводки на них.

Одним из источников сообщений, которые добывал в Стокгольме спецпред-

ставитель Гиммлера Кремер, был советский агент Дональд Маклин. Он работал в британском посольстве в США и направлял Москве информацию под псевдонимом Гомер. Американские специалисты, взломавшие в конце 40-х годов шифр советской резидентуры в Нью-Йорке и Вашингтоне (проект «Венона»), установили наличие «крота», но идентифицировать его не могли. Когда Ким Филби узнал о поисках «крота» по кличке Гомер, он немедленно поставил в известность Центр; при этом он самостоятельно вычислил Маклина. Из Москвы, однако, пришло указание о том, что Маклин должен оставаться на месте до последней возможности. Центр не хотел даже предупреждать Маклина – это сделал Филби. К концу 1950 года список подозреваемых сократился до 35 имен, а к апрелю 1951-го – до девяти. Через считанные дни была расшифрована еще одна радиограмма, где было сказано, что в июне 1944 года жена Гомера ожидала ребенка и жила со своей матерью в Нью-Йорке, – этому условию удовлетворяла лишь жена Маклина Меллинда.

Тем не менее у Филби и Гомера оставалось еще немало времени для организации побега. Обоим было известно, что американская разведка не будет предъявлять суду в качестве улики материалы проекта «Венона», дабы скрыть факт взлома шифра. Поэтому следующим шагом МИ-5 будет установление слежки за Маклином, чтобы собрать доказательства его шпионской деятельности. Филби, естественно, волновала и собственная участь. В досье Митрохина имеется сообщение о том, что «Стэнли (кодовое имя Филби. – В.А.) требует немедленной эвакуации Гомера в СССР, дабы избежать собственной компрометации».

Между тем из Вашингтона в Лондон был отозван третий член «великолепной пятерки» – Гай Берджесс: у него возникли проблемы с полицией штата Вирджиния, и его отъезда потребовали Госдепартамент и британский посол. Филби поручил Берджессу по прибытии на Британские острова поставить в известность об угрозе лондонскую резидентуру МГБ. 7 мая, едва ступив на британский берег, Берджесс позвонил Энтони Бланту, а тот, в свою очередь, донес тревожную весть до сведения советской разведки. Через два дня после этого Москва дала согласие на побег Маклина.

Официальная российская историография умалчивает о том, что в 1942–1943 годах «Кембриджская пятерка» лишилась доверия Лубянки. Паранойя Сталина не допускала мысли, что СС не работает против Советского Союза. Между тем это было именно так, и «великолепные» шпионы честно сообщали об этом. Автор недавно опубликованной биографии Энтони Бланта Миранда Картер считает, что инициатором подозрений была майор госбезопасности Елена Морджинская. Эта дама с октября 1942 по май 1943 года занимала в Первом управлении НКВД (внешняя разведка) должность начальника 1-го отделения (Великобритания) 3-го отдела (Великобритания, Северная и Южная Америка). «Великолепной пятерке» пришлось в ущерб оперативной работе писать бесконечные «автобиографии» – в этих текстах затем на Лубянке пытались найти противоречия. Если бы вдруг выяснилось, что в распоряжении Шелленберга имеются донесения московских «кротов», подозрения Москвы подтвердились бы в полной мере. Но Москва об этом так и не узнала.

По словам бывшего главы ЦРУ Джеймса Энглтона, именно римский инцидент заставил американскую разведку внимательно присмотреться к Энтони Бланту. Энглтон недоумевал, почему вскрытием диппочты занимался столь высокопоставленный сотрудник, как Блант. Что касается директора ФБР Эдгара Гувера, то он первым раскрыл Филби, и лишь отвратительные отношения между спецслужбами Вашингтона и Лондона не позволили ему собрать доказательства, достаточные для ареста этого человека, который, работая на две разведки, упорно отказывался считать себя двойным агентом.

Вскоре после провала Энтони Бланта в Риме Елена Морджинская написала записку на имя Лаврентия Берии о том, что сеть советских агентов в Великобритании следует считать раскрытой.

Крысиная тропа

Остался небольшой, но немаловажный вопрос: если на глазах у английских офицеров смертоносную ампулу разгрыз не Гиммлер, то куда подевался рейхсфюрер?

Проблема спасения от преследования стояла в первые послевоенные дни перед любым рядовым сотрудником СС. И организация не бросила их на произвол судьбы. В Германии действовало несколько прекрасно организованных и законспирированных «крысиных троп», по которым эсэсовцы бежали из страны. Эти пути вели на юг, в Швейцарию и Италию – организация, снабжавшая беглецов ночлегом, документами и пропитанием через каждые 50 километров пути, называлась Die Schleuse (Шлюз). Однако южное направление контролировалось злейшими врагами Гиммлера и Шелленберга – Кальтенбруннером и Мюллером.

Иное дело – север, Гамбург и Шлезвиг-Гольштейн, где и очутился Гиммлер со своим штабом. В Гамбурге действовало прекрасно налаженное подполье. Организация StilleHilfe (Молчаливая помощь) была зарегистрирована как благотворительная и существует по сей день. Она оказывала поддержку «лионскому палачу» Клаусу Барбье во время его сенсационного процесса. Дочь Гиммлера Гудрун активно участвовала в работе фонда, навещая престарелых одиноких бывших эсэсовцев, за что заслужила имя Ангел Милосердия.

Как и куда можно было бежать из Фленсбурга? Существует версия, что главари рейха покинули страну на подводных лодках, доставивших их к побережью Южной Америки. Приготовление к такой эвакуации действительно велось. Однако немецкий подводный флот понес огромные потери, и к концу войны в районе Фленсбург-Киль и в Норвегии, по оценкам компетентных людей, в наличии имелось всего две субмарины, способных к трансатлантическому переходу. К тому же путешествие обещало быть крайне опасным. Быть может, кто-то и воспользовался этим способом бегства, но вряд ли Гиммлер, который не любил искать судьбу и к тому же страдал клаустрофобией. Более успешным могло оказаться путешествие на надводной лодке на один из тысяч шведских островов – но ведь куда-то надо было двигаться дальше. Наиболее реальным представляется бегство по воздуху – на Иберийский полуостров, где нашли убежище многие, например, верный паладин Гиммлера Отто Скорцени.

История, которую никак не напишут

■ Леонид ВЕЛЕХОВ

Ржевская уверена: Гиммлер погиб в мае 1945-го, а не ушел, подобно многим преступникам, под чужим именем по «крысиной тропе» из Германии куда-нибудь в Южную Америку, под крыло одного из тогдашних профашистских режимов. По мнению Ржевской, главный аргумент в пользу «канонической» версии гибели рейхсфюрера СС – то обстоятельство, что на Нюрнбергском процессе его имя не фигурировало в списке разыскиваемых. В случае малейших сомнений в смерти Гиммлера союзники продолжали бы его розыски до последнего, как это было с нацистскими преступниками куда менее высокого ранга.

Елена Моисеевна вспомнила, что ее начальник по поисково-идентификационной группе полковник Горбушин лично присутствовал при опознании трупа Гиммлера. Однако в деталях он об этом не рассказывал, ограничившись кратким: «Мы были приглашены на опознание трупа Гиммлера».

Ржевская категорически отрицает, что у Горбушина или у кого-то из советских офицеров, занимавшихся опознанием трупов Гитлера и Евы Браун, были «рентгеновские снимки зубов Гиммлера и его медицинская карта». Лейтенант Ржевская сама входила в эту крайне немно-

Гипотеза о том, что человек, назвавшийся при аресте 22 мая 1945 года рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером и покончивший с собой на следующий день во время допроса, был самозванцем, не имеет под собой веских оснований. Так считает писатель и историк Второй мировой войны Елена РЖЕВСКАЯ, лично участвовавшая в мае 1945 года в поисках останков главных нацистских преступников, в частности Гитлера.

гочисленную группу, которую на этом этапе, кроме нее, составляли еще двое – полковник Горбушин и майор Быстров. По ее словам, гиммлеровские бумаги их и не интересовали, так как целью поисков были исключительно медицинские документы, связанные с Гитлером.

Здесь и заключается самое интересное. Труп Гитлера, вспоминает Елена Ржевская, был стопроцентно идентифицирован по его зубам – поисковой группе чудом удалось найти 9 мая в разрушенном Берлине Кете Хейзерманн, ассистентку профессора Блашке, личного дантиста Гитлера. Это та самая Кете Хейзерманн, которая фигурирует и в нашем повествовании: именно на основании ее свидетельства автор книги «Странная смерть Генриха Гиммлера» Хью Томас пришел к выводу, что человек, покончивший с собой 23 мая 1945 года в лагере в Бремервёрде, не Гиммлер.

Хейзерманн, рассказала Ржевская, действительно была блестящим профессионалом. Она и с неопровержимой точностью засвидетельствовала идентичность представленного ей «вещдока» зубам своего высокопоставленного пациента, которые она неоднократно помогала врачевать. «Я считала, что Кете заслуживает ордена», – говорит Ржевская. Вместо ордена победители наградили Кете Хейзерманн десятью годами тюрьмы. Через много лет после ее возвращения в Германию английский патологоанатом Хью Томас разглядел Хейзерманн. В предъявленном ей стоматологическом протоколе и схеме челюстей человека, покончившего с собой 23 мая 1945 года на допросе в лагере близ Бремервёрде, Кете, как сказано в нашей публикации, категорически отказалась признать зубы рейхсфюрера СС.

Казалось бы, своим безошибочным опознанием гитлеровских зубов Хейзерманн заслужила право считаться непревзойденным авторитетом в такой специфической области, как челюстная анатомия высших нацистских преступников (все они лечили зубы в кабинете профессора Блашке). Однако Елена Ржевская считает, что случай с зубами Гиммлера – не чета гитлеровскому. Их опознание происходило через много лет после событий, по рисунку, а не по настоящим челюстям. К тому же сам Гиммлер, отличавшийся здоровыми зубами, был куда более редким посетителем кабинета доктора Блашке, нежели Гитлер, и вряд ли, считает Ржевская, Хейзерманн могла так досконально знать его зубы, как она знала гитлеровские.

При всей уязвимости новой гипотезы судьбы рейхсфюрера СС бесспорно одно. Сомнениями – иногда плодотворными, иногда праздными – окружены официальные версии едва ли не всех сколько-нибудь значимых событий Второй мировой войны. В ее истории нагромождено столько домыслов и вымыслов, спекуляций и откровенной лжи, столько раз все было «отредактировано» в угоду идеологической конъюнктуре, столько было проведено «ревизий» событий, фактов и статистических данных, что требовать безусловного доверия к официальной историографии – отечественной или западной – невозможно.

Это ни в малейшей степени не бросает тени на тех, кто, подобно Ржевской, занимался честными изысканиями. Наоборот, придает этим изысканиям дополнительное измерение Поступка. Но куда деться от того факта, что свои свидетельства – очевидца, присутствовавшего при опознании трупов Гитлера и Евы Браун и имевшего в своем распоряжении неопровержимые доказательства самоубийства

фюрера, – Ржевской удалось полностью опубликовать лишь в год 20-летия Победы. А до этого – непонятно, с каким расчетом – публику два десятилетия держали в неведении, напуская искусственный туман вокруг обстоятельств смерти Гитлера и сея сомнения в самом факте этой смерти. Да что там публику: свидетельство Ржевской стало открытием для маршала Жукова, которого в свое время Сталин не счел нужным поставить в известность о том, что трупы Гитлера и Евы Браун обнаружены и со стопроцентной достоверностью идентифицированы. Как вспоминает Ржевская, Жуков позвонил ей после публикации ее мемуаров и при личной встрече рассказал, что Сталин не просто скрыл от него факт обнаружения останков Гитлера, но еще и спрашивал в июне 1945 года: «Где же Гитлер?»

Ржевская рассказывает, как руководитель поисково-идентификационной группы полковник Горбушин был вызван в мае 1945 года из Берлина в Москву для доклада Сталину и несколько дней провел безвыходно в гостинице, ожидая звонка из Кремля. В конце концов его вызвал Абакумов и сообщил, что необходимость в личном докладе Горбушина отпала: Сталин с материалами по делу о самоубийстве Гитлера ознакомился и признал их достоверными. Но вывод вождь сделал такой: «Оглашать результаты экспертизы не будем. Капиталистическое окружение остается».

Зачем это было нужно Сталину? Чтобы пугать «капиталистическое окружение» тенью Гитлера? Или, может быть, он подсознательно боялся раскрыть неприглядную и поучительную картину смерти диктатора и поэтому запретил выдавать союзникам и миру неопровержимые доказательства самоубийства Гитлера, как когда-то запретил показывать в СССР сатиру на фюрера – чаплинского «Диктатора»? Чужая душа – потемки, а когда речь идет о Сталине, то не потемки даже, а беспросветная тьма.

И стоит ли удивляться После всего этого, что ревизия событий Второй мировой продолжается до сих пор?

Этот упрямый капитан Юрецко

ПОДКУП И ВЕРБОВКА ВЫСОКИХ ВОЕННЫХ ЧИНОВ ИЗ ЗАПАДНОЙ ГРУППЫ ВОЙСК, «КРОТЫ» В РАЗВЕДСЛУЖБЕ ФРГ И БОЛЬШАЯ ГЕРМАНСКАЯ ПОЛИТИКА СЫГРАЛИ ЗЛУЮ ШУТКУ В СУДЬБЕ БЫВШЕГО НЕМЕЦКОГО РАЗВЕДЧИКА. И ОН СДЕЛАЛ ОТВЕТНЫЙ ХОД...

BERND SCHONBERGER

■ Виктор АГАЕВ

Публикация 2004 года

В Германии разгорелся скандал вокруг бывшего сотрудника БНД (Федеральной разведслужбы ФРГ) Норберта Юрецко. Он был ключевой фигурой драматических и странных событий, происходивших в конце 1990-х годов и замятых по воле тогдашнего руководства ФРГ. Юрецко обнародовал свою историю, поскольку не видел иного способа реабилитироваться. Он выпустил сердитую и язвительную документальную книгу с говорящим названием – «Ограниченно годен». Именно такой – неповоротливой, бюрократической, самодовольной и продажной – он представил читателям знаменитую разведслужбу. Книга моментально стала бестселлером. Позднее Юрецко вынужден будет отбиваться от потока обвинений и угроз. ЦРУ, МИ-6, БНД – все потребуют сатисфакции. Недовольна и ФСБ. Почему? Прочитав книгу, я встретился с автором. Его ответы на мои вопросы во многом дополнили изложенную в книге информацию.

Операция «Жираф»

Летом 1996 года капитан Юрецко представил своему абверу (для простоты будем называть именно этим немецким словом службу собственной безопасности БНД) материалы, из которых следовало, что один из руководителей БНД – Фолькер Фёрч – работает на русских. Юрецко узнал об этом от агента Рюбецеля – одного из тех, кого он завербовал в начале 1990-х годов в период вывода из ГДР Западной группы российских войск (ЗГВ).

Сам Юрецко был одним из тех агентов, которые в рамках операции «Жираф» занимались сбором информации в районе дислокации ЗГВ. Сначала Юрецко с коллегами был брошен на разборку мусора, поступавшего из военных городков. Чего только они не находили в помойных баках: от меню столовых до штабных документов с грифом «Секретно». Первыми добычу получали представители ЦРУ, поскольку они, в отличие от немцев, имели переводчиков и могли хоть как-то отделять «зерна от плевел». Раз в неделю американцы делились результатами просеивания с немцами. Результаты были скудными, а потому вскоре Юрецко перевели на работу с людьми. Она оказалась значительно эффективнее – ведь тогда в ГДР у военных буквально за гроши можно было достать все, что угодно. Юрецко, например, рассказывает, как его коллеги, не таясь, подъезжали к воротам военного городка в Вюнсдорфе и устраи-

вали там своего рода приемный пункт: выменивали на бытовую технику разные документы и материалы. Перед автобусом выстраивались очереди из солдат и офицеров в форме. Некоторые из продавцов подходили по нескольку раз.

Порой военные за бесценно продавали уникальные образцы вооружений. Так, в 1992 году Юрецко между делом приобрел у какого-то мелкого немецкого перекупщика за 40 тысяч марок новейший и очень редкий тогда российский прибор, используемый в авиации и на флоте для идентификации «своих» и «чужих» (натовцы называли его Patrol C55). Кто и где украл этот аппарат в ЗГВ, как он попал к перекупщику – все это осталось тайной. Известно только, что американцы и британцы также хотели заполучить это чудо техники и были готовы заплатить за него до двух миллионов долларов.

Однако наибольшего успеха Юрецко добился в ходе другой операции, когда он вместе с партнерами из ЦРУ должен был выяснить, какое ядерное оружие и куда вывозят из ГДР россияне. Задача была сложная, потому что составы с оружием тщательно охранялись, перевозки осуществлялись только по ночам, а нужно было провести и специальные замеры, и видеосъемку. Правда, для съемок сотрудники БНД имели технику, работающую в инфракрасном диапазоне, то есть способную снимать в полной темноте. А потому «кинооператору» было достаточно ехать какое-то время параллельно с поездом, снимая из окна машины.

Организовать замеры уровня излучения было значительно сложнее. Для этого из США были доставлены три контейнера (их называли «три медведя»). Один, самый большой, находившийся в микроавтобусе, надо было установить в непосредственной близости от рельсов, по которым шел поезд. Второй – на некотором расстоянии от первого, а третий, замаскированный под камень, должен был лежать прямо на полотне дороги. Надо было сделать так, чтобы поезд несколько минут постоял около «медведей».

Этого удалось добиться, устроив аварию с автомобилем «трабант» на железнодорожном переезде, где в засаде стоял самый большой «медведь». Когда поезд остановился, охрана с оружием в руках с криками подбежала к машине. Какой-то ефрейтор размахивал пистолетом. Юрецко уже подумал было, что ничем хорошим это не кончится, но солдатам было приказано только убрать автомобиль с путей. Вскоре был дан зеленый свет, но времени вполне хватило для замеров и съемок. В ЦРУ были так довольны их качеством, что прислали со-

трудникам БНД благодарность от имени Президента США. Оказывается, американцам прежде никогда не удавалось так близко подобраться к интересовавшей их советской ядерной технике.

Сколько стоит генерал?

Российские спецслужбы, даже несмотря на царивший в начале 1990-х хаос, заметили «Жирафа» и начали контроперацию под символическим названием «Паутина». В ответ капитан Юрецко и его коллеги переключаются со сбора информации на вербовку ее носителей. Они думают прежде всего о перспективе и ищут людей, которые могли бы работать на БНД и после возвращения на родину.

Поскольку сам Юрецко русского языка не знал, его интересовали только офицеры, говорящие по-немецки. Юрецко решил искать их в российских службах, которые отвечали за возврат в немецкие руки недвижимости, находившейся тогда в пользовании ЗГВ. Эти люди должны были постоянно встречаться с представителями власти, прежде всего с работниками Немецкого ведомства по управлению госимуществом. Филиалы этого ведомства в ГДР получили от БНД соответствующие инструкции и при появлении потенциальных кандидатов в шпионы информировали об этом Юрецко. Затем его партнер Фредди под каким-то нейтральным предлогом вступал с кандидатами в прямой контакт. И если становилось ясно, что овчинка стоит выделки, начинались конкретные переговоры о сотрудничестве, которое должно было строиться только на добровольной и взаимовыгодной основе. Ни шантаж, ни угрозы при такой вербовке применяться, естественно, не могли. Не было даже элементарной проверки вербуемого на надежность – что можно было в тех условиях проверить?

Юрецко уверяет: он сразу предупреждал, что не будет возражать против прекращения «контактов» с завербованными людьми, если это станет для них ненужным или опасным. Он мог это действительно гарантировать, поскольку никто, кроме него, не знал настоящих имен его агентов. Даже для внутреннего досье БНД Юрецко никогда не указывал их фамилий, опасаясь как российского «крота», так и партнеров из ЦРУ, которые любыми способами пытались умыкнуть у БНД как информацию, так и информаторов.

В нашем разговоре Юрецко постоянно возвращался к этому, принципиально важному для него моменту – ответственности за жизнь агентов и обеспечению их безопасности. Это действительно один из основных принципов БНД – не

подвергать опасности своих людей, прежде всего штатных сотрудников. Но если речь заходила о завербованных агентах, то тут нередко принципы менялись. Многие коллеги, в отличие от Юрецко, рассматривали вербуемых как дичь. «Вы любите предательство, но не любите предателей», – сказал однажды Юрецко своему шефу в ответ на предложение поменьше переживать за них, поскольку это все, дескать, отребье.

Эта дискуссия произошла из-за нежелания Юрецко указывать настоящие имена его агентов. Любопытно, что распоряжение указывать в досье имена завербованных граждан, появившееся в БНД в 1991 году, было подписано тем самым Фолькером Фёрчем, которого Юрецко позже обвинит в работе на КГБ и СВР.

А в 1992 году те же самые люди не устали хвалить капитана за удачные вербовки и обеспечение притока ценной информации. К наиболее ценным его агентам относится некий полковник, который попал к Юрецко через управление госимуществом и получил кличку Мюнхгаузен. Он не скрывал, что пошел на сотрудничество из материальных соображений. Еще будучи в ГДР, он предоставил БНД массу документов, фотографий и звукозаписей. Он достал, например, полный и всесторонний отчет о состоянии ВВС России. Именно Мюнхгаузен был первым, кто предупредил Юрецко о существовании «крота» в БНД.

В начале 1993 года посредники вывели Юрецко на российского генерала (во всяком случае, он сам себя так называл). Ему дали кличку Уленшпигель. Юрецко сразу положил на стол удостоверение сотрудника БНД. Поняв, что происходит вербовка, Уленшпигель в первый момент испугался, поскольку, как он позже сам объяснил, все было примитивно, как в фильмах про шпионов. Будучи в армии не первый день, он знал, что надо делать: бежать в контрразведку и каяться. Однако Юрецко ему сразу сказал, что уйти он всегда успеет, а сначала почему бы не поговорить... Позже Уленшпигель, который еще долго работал на БНД, признавался тому же Юрецко, что столь прямой и откровенный стиль вербовки его полностью «обезоружил».

Между 1991 и 1995 годом Юрецко с партнером Фредди провели более 850 «бесед» и завербовали полдюжины офицеров. Те стали поставлять материал в таком количестве и такого качества, какого БНД раньше не знала.

Однако, как рассказывает Юрецко, его все больше беспокоили сообщения, в том числе и от новых агентов, что внутри БНД работают несколько людей, завербованных российскими спецслужбами.

«Мы с Фредди опасались, что таким образом в Москве станут известны и имена завербованных нами информаторов. Поэтому мы скрывали даже от своих коллег и начальников, где, когда и с кем мы встречались».

Юрецко не раз мог убедиться в справедливости своих опасений. Несколько агентов из числа завербованных БНД в ЗГВ позже были арестованы, осуждены или просто исчезли. Однако среди них не было ни одного из завербованных Юрецко. Напрашивается лишь одно объяснение – ФСБ их не трогала, потому что не имела о них информации... от БНД.

Такая ситуация не могла не беспокоить службу собственной безопасности БНД. Ее сотрудники в августе 1996 года вместе с Юрецко затеяли операцию с целью обнаружить «крота» в БНД. Операция получила название «Казак-2». К самому Юрецко в абвере относились с доверием, поскольку ранее он помог разоблачению фактов коррупции в БНД. Кроме того, наиболее важная информация о «кротах» поступала от агента Рюбецала, завербованного Юрецко в ЗГВ.

На конспиративной встрече в отеле «Шератон» во Франкфурте-на-Майне Рюбецаль сообщил новые данные о «кроте». Это позволило начать расследование в отношении одного из штатных сотрудников БНД. Дома у него обнаружили компьютерные дискеты со служебной информацией. Выяснилось также, что у него роман с одной из сотрудниц аппарата президента БНД. Однако следователи абвера пришли к выводу, что этот человек все-таки был кем-то предупрежден о нависшей над ним опасности. Значит, в БНД есть еще «кроты». Абвер начал операцию «Казак-3».

Абвер тухнет с головы

В ее результате под подозрением оказался Фолькер Фёрч, начальник абвера, один из руководителей БНД, пришедший туда еще в 1956 году и побывавший на многих важных постах в разведке, контрразведке и системе безопасности. Его считали едва ли не самым могущественным человеком в БНД. Абвер начал тай-

ное наблюдение за своим собственным начальником. В кабинете Фёрча были установлены «жучки» и телекамеры. Следили за каждым его шагом, каждым телефонным разговором, а результаты следствия направляли непосредственно президенту БНД.

Осенью 1997 года в Варшаве Рюбецаль передал Юрецко копию датированного апрелем документа на русском языке и на бланке ФСБ. Это был рапорт, в котором некий полковник Добрецов предлагал руководству как можно скорее прекратить контакты с очень ценным источником, который 16 лет сотрудничал с Москвой через госбезопасность ГДР, а с 1993 года работал непосредственно на ФСБ.

Юрецко вспоминает: «Отношения с источником предлагалось прекратить как из соображений его безопасности, так и для сохранения инфраструктуры, созданной для работы с ним. Предлагалось также выплатить ему премию в размере 100 тысяч долларов и в случае необходимости побеспокоиться о содержании его семьи. Анализируя текст, следователи абвера пришли к выводу, что речь может идти только о Фёрче. Во-первых, в рапорте было написано, что источник последнее время находится в постоянном психическом напряжении, возможны срывы, поскольку против него ведется секретное внутреннее расследование, а во-вторых, приводились подробности семейной жизни источника, которые однозначно указывали на Фёрча (жена тяжело больна, сын умер)».

В марте 1998 года шеф БНД счел доказательства, полученные следствием, весомыми и поставил в известность ведомство федерального канцлера, которое только и может дать разрешение на следствие по обвинению в государственной измене столь высокого чиновника, как Фёрч.

В Германии спецслужбы подчиняются координатору, работающему в ведомстве канцлера. Тогда в аппарате канцлера Коля координатором спецслужб был Берндт Шмидбауэр. Он вызвал всех – и шефа БНД, и руководителя следствия, и Юрецко – в Бонн. Там выяснилось, что главная проблема для Шмидбауэра – политическая. Фёрч слишком много знал, он собрал

досье на виднейших политиков. Позже стало известно, что он встречался, например, с человеком, который незаконно субсидировал канцлера Коля (обвинения в получении миллионов «незаконных пожертвований» на партийное дело до сих пор отягчают репутацию Коля).

Речь на двухчасовом совещании шла не о реальном ущербе, нанесенном Германии, а только об ущербе для имиджа политиков; о том, кому и как может навредить Фёрч. После дискуссии Шмидбауэр высказал пожелание, чтобы обвинение не выросло до масштабов измены родине, но при этом доказательств вины Фёрча было бы достаточно для его увольнения.

Через несколько дней генеральная прокуратура сообщила, что провела обыск в служебном кабинете Фёрча. Однако следователи, постоянно наблюдавшие за этим кабинетом, пришли к выводу, что это была лишь инсценировка обыска. Фёрча своевременно предупредили, причем сделал это Шмидбауэр, что доказала запись телефонных разговоров. После этого звонка Фёрч стал спешно уничтожать какие-то материалы. Следователи на своих мониторах видели, что фактически и обыска-то не было: прокурор приоткрыл один ящик, потом другой – и все.

Через несколько недель генпрокуратура прекратила расследование. Она пришла к выводу, что Фёрч невиновен, а все сообщения, его компрометирующие, сфабрикованы Норбертом Юрецко. В том числе и рапорт ФСБ. Прокуратура сослалась на мнение бывшего сотрудника ФСБ, бежавшего на Запад и засвидетельствовавшего, что в рапорте полковника Добрецова были ошибки в форме. Юрецко и его эксперты доказывали, что ошибки действительно есть, но тому существуют объяснения.

Юрецко предлагает несколько версий происхождения рапорта. Это могла быть целенаправленная акция ФСБ на дискредитацию Фёрча. Могла быть, наоборот, попытка предотвратить разоблачение Фёрча-агента. Для этого надо было только передозировать компромат, чтобы он казался слишком увесистым. Такое КГБ проделывал не раз. Не исключено,

что Лубянка мстила Фёрчу, но также возможно и другое: кто-то в ФСБ воспользовался официальными контактами Фёрча с ФСБ (они начались в годы перестройки) и оформил его как «источник» – такое нередко бывало в практике Штази. В общем, насколько истинным был рапорт, знают только те, кто его составил.

Как бы то ни было, Фёрча официально реабилитировали, но при этом его отдел был распущен, а он сам отстранен от дел и ушел на пенсию. Иначе говоря, сделано то, к чему с самого начала вел Шмидбауэр: Фёрча убрать, но без скандала.

Норберту Юрецко не простили его несговорчивости, обвинив в фальсификации документов и источников информации. Через четыре года дело было передано в суд, который на закрытом заседании признал Юрецко виновным в обмане и приговорил к 11 месяцам тюрьмы условно. Обман, по мнению суда, заключался в том, что он не открыл настоящего имени своего источника Рюбецала и поверил якобы добытому агентом, а на самом деле фальшивому рапорту из ФСБ. Известно, что прокурор, начиная дело, побывал в Бонне у Шмидбауэра.

Суд однозначно записал в приговоре, что Юрецко не руководствовался корыстными побуждениями, хотя и повредил своему нанимателю, купив фальшивые документы у российского агента. Тем не менее БНД требует от Юрецко полмиллиона евро за якобы незаконно выплаченные гонорары завербованным им агентам.

Систему, в которой он работал, Юрецко назвал в нашем разговоре «перевернутым миром». Как бы в подтверждение этих слов в одной из крупнейших газет Германии была опубликована огромная хвалебная статья о шефе БНД. Он, в частности, говорит в интервью: «То, что написано в книге Юрецко о ленивых сотрудниках, двойных агентах и бесполезных начальниках, – это все в прошлом. Такое больше невозможно».

Так значит, все описанное – правда?

Бонн

Офицеры и солдаты Западной группы войск при случае были не прочь «толкнуть» потенциальному противнику кое-какие документы и военную технику. Имущество ЗГВ, оставшееся нераспроданным, было выведено из ГДР в начале 1990-х

С нами тайное становится явным

Главный редактор:
Олег Анатольевич СОЛОВЬЁВ

НАД ПРИЛОЖЕНИЕМ РАБОТАЛИ:
Александр КЛИЩЕНКО, Ирина ШМЕЛЁВА

Учредитель:
ООО «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС»

Адрес учредителя:
121099, г. Москва,
ул. Композиторская, д.17

Генеральный директор:
Павел ЗВЕРЕВ

Адрес редакции:
127247, Москва,
Дмитровское шоссе, д. 100, стр. 2
e-mail: sovsek@sovsek.com
Телефон: +7 499 288 00 72

ПО ВОПРОСАМ РЕКЛАМЫ:
Операционный директор:
Андрей КОРАБЛИН
+7 499 288 00 72;
e-mail: reklama@sovsek.com

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ:
+7 499 288 00 89

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ:
+7 499 288 00 89

Издание зарегистрировано
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-58624 от 11.08.2014г.

Интернет-версия газеты:
www.sovsekretno.ru

Подписано в печать 01.09.2020 г.
Выход в свет 01.09.2020 г.
Общий тираж: 100 000 экз.

Свободная цена.
Распространяется только в розницу.

Приложение печатается в городах:
Москва, Хабаровск

Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
не заказанные ею рукописи и иллюстрации.
Перепечатка материалов, их использование
в любой форме, в т.ч. в электронных СМИ,
возможна только с разрешения редакции.

Точки зрения редакции и авторов
не всегда совпадают.

© «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС», 2020

Импортер в Беларусь:
ООО «Росчерк»
г. Минск, ул. Сурганова, 57 Б, офис 123;
тел: +375 17 331 94 27 (41)

Дистрибьюторы
Приложения:
ООО «Издательский дом
«Гранд Экспресс»
Директор: Станислав ГЛУХОВ
680000, г. Хабаровск, Уссурийский б-р, 9а;
тел: +7 421 230 99 80

Отпечатано
в АО «Прайм Принт Москва»
Адрес: 141707, Московская область,
город Долгопрудный, проезд Лихачевский,
дом №5В

Тираж: 10400 экз.
Заказ № 2301